

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

1
2021

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 1 (25) / 2021

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Григорян Г.А. Понятие принципов российского избирательного права. Реализация права граждан на участие в референдуме	1
Еськова М.Н., Лосева В.С. Современные проблемы конституционного права	3
Чанчикова П.А., Молокеедова В.С. Актуальные тенденции модернизации конституционного контроля в российской системе права	4

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Маркова А.М. Реформа контрольно-надзорной деятельности: первые итоги и дальнейшие перспективы	7
---	---

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Васильева С.А., Загоруйко И.Ю. Основные принципы деятельности прокуратуры и их значение для соблюдения прав предпринимателей	10
Картухина А.В., Юхтанова А.С. Взаимоотношения государственной корпорации «Росатом» с ее дочерними предприятиями	12

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Абрамова Н.А. Судейское усмотрение и оценка доказательств по внутреннему убеждению в гражданском судопроизводстве	15
Глечян С.А. Проблемы финансирования избирательной кампании в Российской Федерации	17
Цопа Я.В. Актуальные проблемы и особенности рассмотрения гражданских дел с участием органов опеки и попечительства	18

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Горшков А.О. Право на научное открытие	21
Коняшин М.С. Эволюция законодательства в сфере регулирования института селекционных достижений	22

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Левгеева Т.Б.

Объективная сторона преступлений в сфере авторских и смежных прав. 28

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Матюшенков А.Н.

К вопросу о классификационных признаках боевых припасов в криминалистике 30

Пушкарская Е.С., Севостьянова С.О.

Выявление и раскрытие мошенничеств, совершаемых юридическим лицом 32

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Добромилов Д.В.

Работа Спортивного арбитражного суда на Олимпийских играх 36

Пономаренко С.А.

Международные уголовно-правовые признаки состава этнического геноцида 38

Пономаренко С.А.

Основания и условия международной уголовной ответственности за неоконченный этнический геноцид и освобождения от нее. 40

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Понятие принципов российского избирательного права. Реализация права граждан на участие в референдуме

Григорян Грануш Андраниковна, соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)

Связующими частицами системы права, упорядочивающими и гармонизирующими ее, выступают принципы права [9]. Понятие «принцип» в переводе с латинского языка «*principium*» означает основу, начало и понимается нами в качестве основного исходного положения или пункта [5].

Понятие принципов предмета избирательного права российской государственности многими учеными понимается как общие общепризнанные начала и идеи, отражающие демократическую природу выборов как конституционной основы такой формы демократии, как народовластия. Они, в свою очередь, являются основой правового регулирования избирательных прав, представляющей собой согласованную сбалансированную структурированную собрание гарантий, процедур, обеспечивающих в соей мере обязательное проведение в государстве выборов на местном, региональном, а также на федеральном уровнях, реализацию и защиту избирательных прав граждан. В юридической литературе встречаются множество вариантов классификации, однако нет единого мнения о ее критериях и группировке принципов.

Принципы избирательного права находятся в постоянном процессе развития, так как продолжается и формирование новых структурных элементов системы права. Их подвижность и определяет многообразие исследовательских мнений. Несмотря на различия в подходах исследователей к статусу принципов избирательного права, в научном сообществе отсутствуют разногласия по поводу значимости принципов как базовых начал избирательного права. Вне зависимости от того, отражены ли принципы в законодательстве или являются общепризнанными, они оказывают регулирующие воздействие на избирательную систему всей нашей страны, придают ей цельность, позволяют соблюсти баланс общественных интересов и прав граждан [5].

В научной юридической литературе институт референдума рассматривается с различных точек зрения. Референдум предстает перед нами как конституционно-правовая форма непосредственного правления народа.

Поэтому в объективном значении референдум необходимо рассматривать в качестве основного права народа и одной из составляющих основ конституционного строя нашей великой страны [8].

Право на участие в референдуме — одна из предоставленных Конституцией РФ [1] субъективных возможностей граждан в управлении делами государства. Данная конституционная реалья, как субъективное право, ограничивает государственную власть и обязывает ее. Ущемление государством права участия граждан в референдуме запрещено. Одновременно предоставленное Конституцией РФ право на участие в референдуме дает возможность его защиты от неправомерного ограничения [8].

Закрепление в основном законе нашего государства многонационального народа России, как единственного источника власти и носителя суверенитета, дало свои предпосылки создания новых правовых институтов, позволяющих населению нашей страны участвовать в делах государства [6].

В РФ применение механизма местных референдумов берет свое начало еще с 2003 года с принятием ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [3], содержащий в себе основополагающие начала, дающие представления о порядке инициирования, организации и проведения референдумов. Несмотря на сравнительно недолгий период существования, уже имеется небольшой опыт. С 2003 по конец 2019 годов в РФ прошло 4662 местных референдума, на котором участвовали огромное количество муниципальных образований из 53 субъектов страны [6].

Закрепление в Конституции РФ такой формы прямой демократии, как референдум, положительно сказалось на политико-правовой стороне российской правовой системы. Это явление дает прямую возможность гражданам нашей страны участвовать в политической жизни государства, а также гарантирует сохранение основополагающих принципов демократии. Механизм местных референдумов показал себя наиболее эффективно в целях решения вопросов местного значения,

непосредственно влияющих на жизнь населения в муниципальных образованиях [6]. О принципах такого демократического государства, как о России, говорится в основном законе нашей страны, согласно нормам и положениям которого наш народ является единственным источником власти и носителем суверенитета, осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1]. В то время как, высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы [7].

Статья 4 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4] гласит, что «гражданин РФ, достигший на день голосования возраста 18 лет, имеет право избирать, быть избранным депутатом представительного органа муниципального образования, голосовать на референдуме, а по достижении возраста, установленного Конституцией России, федеральными законами, конституциями (уставами),

законами субъектов РФ, — быть избранным депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти, выборным должностным лицом».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать конкретные выводы. Референдум вместе со свободными выборами является высшим непосредственным выражением власти народа. Нашим государством гарантируется свободное волеизъявление граждан РФ на референдуме России, защита демократических принципов и норм права, определяющих право граждан на участие в референдуме [2]. Принципы российского избирательного права нашли свое отражение в основном законе российской государственности — в Конституции РФ, во многих федеральных конституционных и федеральных законах. Принципы права избирательного права России принимаются большим количеством ученых в области права как общие общепризнанные начала, положения и идеи, которые отражают природу демократичности выборов как конституционной основы такой формы демократии, как народовластия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. Ст. № 237.
2. Федеральный Конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (с изм. и доп. от 18 июня 2017 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета от 30 июня 2004 г. № 137-д.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (с изм. и доп. от 09.11.2020 г. № 370-ФЗ) // Российская газета от 8 октября 2003 г. № 202.
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп. от 14.09.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 2002 г. № 24 ст. 2253.
5. Берлявский Л. Г., Махова А. В. Система принципов российского избирательного права // Юридическая техника, № 14, 2020. — С. 376–379.
6. Гавриленко О. А. Анализ практики применения института референдума на территории Российской Федерации // Скиф / Вопросы студенческой науки, № 6 (46), 2020. — С. 20–28.
7. Кожевников О. А., Остапович И. Ю., Нечкин А. В. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета № 456, 2020. — С. 225–233.
8. Кочев В. А., Ромашов П. А. Конституционно-правовая природа института референдума // Вестник Пермского университета / Юридические науки, №. 45, 2019. — С. 386–399.
9. Матузов Н. И. Теория государства и права. М., 2020. — Норма. — С. 164.

Современные проблемы конституционного права

Еськова Мария Николаевна, студент;

Лосева Валерия Сергеевна, студент

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

В статье говорится о самых распространенных проблемах конституционного права Российской Федерации. Раскрывается смысл 3 самых распространенных и актуальных проблем, а также проводится их анализ.

Ключевые слова: конституционное право, Российская Федерация, Конституция, российское право, источники конституционного права, национальные меньшинства и малочисленные народы, поправки, изменения, пересмотр.

Для того, чтобы понять, какие проблемы существуют в конституционном праве РФ, необходимо сказать о том, что из себя представляет само Конституционное право. Таким образом, конституционным правом называют отрасль российского права, которая закрепляет в себе основы взаимоотношения личности и государства, определенные конституционные характеристики страны, а также какие-либо другие отношения конституционно-правового характера.

Так как современных проблем, касающихся Конституционного права, существует огромное количество, поэтому разумнее было бы рассказать про самые распространенные.

Таковыми проблемами являются:

1. проблема пересмотра и внесения поправок и изменений в Конституцию РФ;
2. проблемы защиты и осуществления прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств в РФ
3. особенности источников российского конституционного права. [1]

Итак, начнем с первой проблемы, а именно «проблемы пересмотра и внесения поправок в Конституцию РФ». Прежде всего нужно сказать. Что конституция РФ является так называемой «смешанной конституцией», поэтому порядок внесения каких-либо изменений или поправок будет зависеть от главы или статьи, в которые нужно внести поправки. Все процедуры, необходимые для изменения конституции прописаны в ней же, а именно в 9 главе. Любые изменения классифицируются на:

- а) пересмотр;
- б) изменение конституции;
- в) поправки. [2]

Пересмотрена (подразумевается принятие фактически нового текста Конституции) конституция может быть исключительно референдумом по новому проекту конституции. [2]

Говоря об изменениях, то они могут быть внесены исключительно в ст. 65, в которой закреплен субъектный состав РФ. В соответствии со статьей 137 Конституции РФ, изменения в данную статью вносятся на основании федерального конституционного закона о принятии в РФ и образовании в ее составе нового субъекта РФ, об изменении конституционно-правового статуса субъекта РФ. [3]

Предложения о внесении поправок в конституцию РФ могут выдвигать такие субъекты как:

- а) Президент РФ;

- б) Совет Федерации;
- в) Государственная Дума;
- г) Правительство РФ;
- д) Законодательные органы субъектов федерации.

Говоря об отношении внесения поправок в Конституцию, то многие юристы отзываются о данном опыте довольно негативно, говоря, что данный вид изменения может спровоцировать противоречия внутри самой конституции и пошатнуть демократические устои нашего государства. [4]

Следующая проблема конституционного права — это защита прав и их осуществление у коренных малочисленных народов и национальных меньшинств РФ. Дело в том, что определенный отрезок времени государство пренебрегало нуждами этих народов, что привело к угрозе исчезновения как самостоятельных этносов. Поэтому сейчас основным направлением решения данной проблемы является оказание государственной поддержки коренным малочисленным народам РФ.

Кроме того, на основе анализа развития РФ можно сделать вывод о том, что существуют внешние и внутренние угрозы суверенитету малочисленным народам нашей многонациональной страны. Ко внутренним угрозам относят: власть бюрократии и стремление различных общественных сил позиционировать себя, как единственные носители суверенитета народа, выразители его интересов. Внешними же угрозами считаются: разобщение народов в виду спонтанной внешней и внутренней миграции, так как с одной стороны выходцы из сопредельных государств сталкиваются с проблемой дискриминации как лиц иной национальности, а с другой сами не проявляют уважение к обычаям местных народов. Государство должно обеспечивать каждому гражданину страны, вне зависимости от места проживания, а также предоставлять равные социальные гарантии. Следует сказать, что государственная политика РФ в отношении всех народов страны должна основываться на знании их реального положения и учете национальной специфики коренных малочисленных народов и национальных меньшинств.

Также защита прав этносов сталкивается с проблемой того, что в России нет какого-либо четкого нормативного определения или же присутствует несоответствие закрепленных понятий устоявшимся международным терминам. Следовательно, нужно учитывать, что четкое определение терминов «коренные малочисленные народы» и «национальные меньшинства» имеет практическое значение

в осуществлении государством признания данного статуса за конкретной этнической группой. [6]

А теперь разберем последнюю проблему: «Особенности источников российского конституционного права». Прежде всего нужно сказать, какие именно источники Конституционного права России существуют.

Таким образом, источниками российского конституционного права являются:

1. Конституция РФ. Она является основным источником любой отрасли права, а в особенности конституционного.

2. Законы. Источником конституционного права являются законы, содержащие любые конституционно-правовые нормы.

3. Постановления Правительства РФ, которые имеют нормативный характер. Особенностью этих актов является то, что они издаются на основании и во исполнение Конституции РФ, ФЗ, а также нормативных указов Президента РФ.

4. Конституционно-правовые договоры и соглашения. Сам по себе конституционно-правовой договор — это некое соглашение, заключаемое субъектами Конституционного права.

5. Общеизвестные принципы и нормы международного права, международные договоры.

6. Решения Конституционного Суда РФ, который признает не конституционными ФЗ, нормативные акты Президента РФ, палат Федерального Собрания, Правительства РФ, а также различные нормативные акты субъектов РФ, которые являются источниками Конституционного права, ввиду того, что они содержат специализированные нормы, которые отменяют действия других норм.

Если обобщить все особенности источников конституционного права, то получается, что особенностью источников конституционного права является обусловленность федеративным устройством Российской Федерации. [7]

Литература:

1. <https://www.sgu.ru/structure/jurist/magistratura/sessii/zaochnaya-i-ochno-zaochnaya-formy-obucheniya/perechenek-zamenov-i-zachetov-v-zimnyuyu-sessiyu/sovremennye-problemy-konstitucionnogo-prava>
2. <https://be5.biz/pravo/k037/08.html>
3. Конституция Российской Федерации — 2020 — ст. 137
4. Ветрова В. И., Актуальные проблемы изменения Конституции Российской Федерации. // Челябинский государственный университет — 2017 — с. 3–4
5. Фомиченко М. П., Права народов в российской федерации (конституционно-правовые аспекты), 2007 — с. 12
6. Андриченко Л. В., Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации с. 6
7. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1998. С. 19

Актуальные тенденции модернизации конституционного контроля в российской системе права

Чанчикова Полина Андреевна, студент;

Молокоедова Виктория Сергеевна, студент

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

В настоящей статье представлен анализ законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации в части формирования новых трендов корректировки института конституционного контроля, который, по мнению научного сообщества, является недостаточно проработанным, требующим всестороннего изучения.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционный контроль, предварительный контроль, конституционная процедура, Конституционный Суд РФ.

Федеральный конституционный закон № 1 от 21 июля 1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации» вот уже двадцать шесть лет защищает основы конституционного строя Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, а также осуществляет прямое действие Конституции РФ на всей территории страны.

Стоит отметить то факт, что данный закон не является через чур подвергнутым внесению изменений и до-

полнений (с момента принятия и официального опубликования различные нормы излагались в новой редакции семнадцать раз) в отличие от других кодифицированных нормативно-правовых актов. В первую очередь, это можно обусловить сбалансированным регулированием этого института, требующим только отдельных корректировок. Однако основная причина такого редкого обращения законодателя к проблемам реформирования законодательства о конституционном контроле может крыться в очень

низком политическом интересе к данной проблематике, в значительной степени отражается и на оперативности решения различных вопросов в сфере реформирования вышеназванного института.

Также, нельзя не обратить внимание, что, нередко случаи буквально быстрого принятия поправок в Закон N 1-ФКЗ, имеющих большое политическое значение, принятия точечных поправок в системе иных не связанных с конституционным судопроизводством изменений законодательства, принятия комплекса поправок с вкраплением «текстуального уточнения положений» [4, с. 169].

Проблемным в данной ситуации представляется именно подход законодателя в выборе тематики корректировки, поскольку целый ряд проработанных наукой, а также объективно необходимых с точки зрения потребностей самого Конституционного Суда РФ предложений относительно потенциальных направлений изменения законодательства так и остается без внимания. Поэтому стоить провести анализ отдельных стратегических направлений реформирования конституционного судопроизводства, которые в определенные периоды были обозначены на высшем государственном уровне.

Среди значительного массива конституционных корректировок, вызвавших массивное комментирование, свое место заняли и поправки, касающиеся изменения полномочий Конституционного Суда РФ. В частности, новая редакция ст. 125 Конституции РФ (а именно предлагаемая ч. 5.1) распространяет сферу предварительного конституционного контроля на федеральное законодательство (федеральные конституционные законы и федеральные законы в определенных случаях). Так, согласно предлагаемому регулированию Конституционный Суд РФ наделяется полномочием по проверке конституционности законов, принятых в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции РФ (в скорректированном виде с учетом поправок), до их подписания Президентом РФ [1, с. 332].

Фактически институт предварительного конституционного контроля уже присутствует как самостоятельное полномочие Конституционного Суда РФ, однако согласно действующей редакции Конституции РФ данное полномочие ограничено исключительно предметной сферой международных договоров, не вступивших в законную силу, а также международных договоров о принятии в состав Российской Федерации нового субъекта. Подобное содержательное ограничение не лишено правовой логики, поскольку, как верно отмечают авторы комментария к Закону № 1-ФКЗ, «вступившие в силу для России международные договоры не подпадают под юрисдикцию КС РФ». Таким образом, очевидным становится тот факт, что проверка международных договоров, которые в соответствии со ст. 15 Конституции РФ становятся частью правовой системы Российской Федерации с момента ратификации международного договора, необходима, а единственная возможность подобной проверки возникает исключительно до момента ратификации.

Однако необходимо подчеркнуть, что подобная логика не может быть применена к предварительному нормоконтролю, предлагаемому для ординарного законодательства. Более того, фактически создается ситуация параллельных конституционных процедур, при которой две совершенно разные ситуации могут привести к одному сущностному результату. Нетрудно догадаться, что в данном случае речь идет о предварительной проверке проекта федерального закона до его подписания.

Более того, указанная проблема носит не столько теоретико-методологический, сколько практический характер. Во-первых, повторная пере проверка вступившего в силу акта Конституционным Судом РФ в значительной степени подрывает конституционный принцип поддержания доверия граждан к действиям государства. В частности, как отмечал сам Конституционный Суд РФ, содержание названного принципа сводится к тому, что при изменении законодательного подхода к регулированию должна сохраняться разумная стабильность правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм.

Еще одним существенным упущением в контексте предлагаемой процедуры предварительного нормоконтроля является невключение в число потенциально проверяемых актов законов Российской Федерации о поправке к Конституции РФ, что, в отличие от приведенных ранее примеров, могло бы стать вполне обоснованным и ожидаемым изменением, в действительности направленным на усовершенствование системы конституционного контроля в Российской Федерации, а также на усиление роли Конституционного Суда РФ в системе сдержек и противовесов.

Наряду с корректировкой компетенции Конституционного Суда РФ редакция Конституции РФ затрагивает также ряд вопросов, касающихся расширения объектов конституционного контроля. В частности, п. «в» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ устанавливает, что Конституционный Суд РФ по запросу Президента РФ в порядке, предусмотренном федеральным конституционным законом, проверяет конституционность законов субъектов Российской Федерации до их подписания высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации.

Представляется, что данное регулирование не лишено спорных моментов. Во-первых, нельзя не отметить спорность новизны данной поправки. Так, согласно действующему нормативному регулированию, конкретизированному практикой Конституционного Суда РФ, законодательство субъекта рассматривается как полноценный объект конституционного контроля в ситуации, когда данные законы приняты по вопросам совместного ведения [5, с. 114].

Во-вторых, возможность проверки законов субъектов Российской Федерации, принятых по вопросам исключительного ведения субъектов Российской Федерации, едва ли станет эффективным институтом с учетом сложившейся системы федеративных отно-

шений. В частности, речь идет о том, что Конституция РФ, будучи основным и, по сути, единственным мерилем для Конституционного Суда РФ, не конкретизирует свое отношение к вопросам ведения субъектов Российской Федерации, оставляя им, таким образом, значительную степень автономии. При этом очевидно, что осуществление конституционного контроля за такого рода законодательством будет невозможным без системного учета текущего отраслевого федерального законодательства, а также без интерпретации положений региональных конституций и уставов, что в конечном итоге не соотносится с идеей федерального конституционного контроля и обозначенной выше автономии субъектов.

Кроме того, нельзя не отметить следующее. Подобная процедура, которая будет инициироваться федеральным органом власти (Президентом РФ) в другом федеральном органе власти (Конституционный Суд РФ) в порядке, предусмотренном исключительно федеральным законодательством, а также существо которой сводится к проверке на соответствие федеральному акту, ни в каком виде не соотносится с идеей разграничения компетенции между Федерацией и субъектами, поскольку фактически нарушает принцип невмешательства Федерации в автономию субъекта, зафиксированную Конституцией РФ, посредством исключительного ведения в ст. 73 [2, с. 44].

Можно отметить, что уже возникал вопрос о возможности проверки законодательства субъектов Федерации в порядке конституционного контроля. Еще в 1999 году, толкуя отдельные положения ст. ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ, по справед-

ливому замечанию судьи Н. В. Витрука, оставил без внимания ряд важных вопросов, на которые следовало бы обратить внимание законодателю при выработке стратегии реформирования института конституционного контроля. В частности, Н. В. Витрук отмечал, что на сегодняшний день не четко разграничена компетенция между конституционными судами субъектов и судами общей юрисдикции по рассмотрению положений регионального законодательства, что делает так называемую путаницу при рассмотрении этой категории дел. Представляется, что включение в данный процесс еще одного потенциального «игрока» только усилит конфликтный потенциал реализации данной процедуры.

Таким образом, представленный краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что предлагаемое на сегодняшний день направление модернизации конституционного контроля в Российской Федерации требует дальнейших научных проработок с точки зрения потребностей как общества, так и самого Конституционного Суда РФ. В то же время значительная работа научного сообщества, специализирующегося на анализе процессуальных проблем конституционной защиты прав и свобод человека, если и изучается государством на определенном этапе, то по каким-либо причинам не учитывается при выработке стратегии законодательной политики в данной сфере, что нередко ведет к разбалансировке сложившейся и достаточно неплохо функционирующей системы. Это в значительной степени снижает стабильность всей системы правового регулирования, а также едва ли положительно сказывается на доверии граждан к самим институтам такого государства.

Литература:

1. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г. А. Гаджиева. Москва: Норма; ИНФРА-М, 2012. 672 с.
2. Кряжкова О. Н. Перемены в российском конституционном правосудии: ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 10. — С. 41–51.
3. Письменов В. Н. К вопросу генезиса Российского Федерализма: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного Государственного университета. Серия: история и право. — 2012. — № 1–2. — С. 67–72.
4. Письменов В. Н., Письменов Ю. В. Конституционное и избирательное право и правовая культура в Российской Федерации // Права человека: история, теория и практика. — 2017. — № 1. — С. 167–171.
5. Троицкая А. А. Российский Конституционный Суд и проверка поправок к Конституции: как распахнуть приоткрытую дверь // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — № 2. — С. 96–115.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Реформа контрольно-надзорной деятельности: первые итоги и дальнейшие перспективы

Маркова Анна-Мария Михайловна, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье автор анализирует цели и результаты реформы контрольно-надзорной деятельности в РФ, критически изучает закон о госконтроле и закон об обязательных требованиях в РФ и намечает дальнейшие действия по совершенствованию проводимой реформы и разрабатываемых актов.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, госконтроль, обязательные требования.

Контрольно-надзорная деятельность всегда представляла собой чувствительное направление в государственном управлении, как для всего общества, так и для субъектов предпринимательской деятельности. Поэтому проводимая сегодня совместно с представителями экспертного сообщества, делового сообщества России и Правительства РФ реформа — это не отраслевое, узкое преобразование, а фундаментальный сегмент последовательно проводимой на протяжении длительного времени работы, направленной на улучшение делового климата в стране и инвестиционной привлекательности государства на международной арене.

Структура государственного контроля и надзора в нашей стране весьма разветвленная, многообразная и затратная. В России на законодательном уровне предусматривается осуществление 241 вида контроля, дополнительно к ним действуют 63 вида лицензионного контроля, итого — 304 вида контроля, 10 форм контроля, 48 федеральных контрольных органов и 127 тыс. инспекторов, объединенными усилиями которых проведены 1,6 млн проверок за 2019 г. [1, с. 7].

В 2009 г. был принят Федеральный закон от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [2]. Он до сих пор сохраняет системообразующую роль в системе актов государственного контроля. Однако сама структура государственного контроля претерпела значительные изменения и потребовала нового законодательного регулирования в данной сфере. Поэтому в 2019 г. стартовала большая реформа, нацеленная на устранение административной нагрузки на представителей бизнес сообщества путем изменения состояния регулирования в Российской Федерации — «регуляторная гильотина». 31 июля 2020 г. президентом РФ были подписаны законы, составляющие идеологическую модель реформы контрольно-надзорной деятельности (далее — КНД): «О го-

сударственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — закон о госконтроле) и «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее — закон об обязательных требованиях) [3]. Эти два акта призваны заменить закон № 294-ФЗ.

Подписание данных законов принципиально меняет регулирование экономических отношений в нашей стране. Они призваны сконструировать новый механизм взаимоотношений контрольно-надзорных органов с субъектами предпринимательства. Закон о госконтроле максимально формализует и регламентирует все процедуры КНД. Являясь частью общей реформы КНД, он включает в себя следующие основополагающие моменты: смещение акцентов с проведения проверок на профилактику нарушений; снижение административной нагрузки на бизнес; предоставление компаниям больше гарантий при взаимодействии с органами; повышение методической и консультативной роли контролирующих органов в обеспечении соблюдения хозяйствующими субъектами обязательных требований.

Фундаментальным положением закона о госконтроле является также закрепление на законодательном уровне единой системы принципов государственного контроля. Закрепленные во 2-й главе, они имеют универсальный характер и распространяются на контрольно-надзорную работу, включая организацию ее проведения.

Закон об обязательных требованиях детально регулирует предметы контроля. Значимой новацией закона об обязательных требованиях является норма ч. 4 ст. 3, согласно которой нормативно-правовым актом Правительства РФ или иного уполномоченного на то органа, содержащим обязательные требования, должен устанавливаться срок его действия, не могущий превышать шести лет момента его вступления в силу.

Статьей 17 закона закладываются условия проведения «регуляторной гильотины». Разработчиками выбрана достаточно удачная модель, минимизирующая имеющиеся

риски игнорирования требований «регуляторной гильотины» органами исполнительной власти и угрозу возникновения правового вакуума при отсутствии к установленному сроку вновь принятых обоснованных обязательных требований.

К 01.01. 2021 г. все нормы, устанавливающие обязательные требования, должны быть полностью заменены на новые [4]. Это, по замыслу реформаторов, значительно сократит административную нагрузку на бизнес, и повысит уровень безопасности потребителей, иными словами будет способствовать достижению намеченных целей реформы КНД.

Проводимая в настоящий период реформа КНД характеризуется рядом отличительных признаков, продиктованных требованиями времени, разнонаправленностью целей реформы и развитием науки и техники. Назовем их.

Во-первых, при обсуждении имеющихся проблем и путей их решения в данной области были привлечены научные деятели, представители малого, крупного и среднего бизнеса, что предопределило открытый характер принятия решений в рамках реформы. Продуманная инфраструктура реформы в виде комиссий и рабочих групп обеспечила баланс их интересов.

Во-вторых, основополагающим звеном реформы явился мониторинг устаревшего законодательства с целью устранения норм, ставших барьером для развития бизнеса и экономики и синхронное обновление обязательных норм, реализуемых при проверках бизнеса и направленных как на защиту охраняемых законом ценностей, так и на понижение рисков нанесения им вреда, соединённого с занятием предпринимательской деятельностью. Так называемая идея «регуляторной гильотины».

В-третьих, ключевым направлением реформы выступает широкое внедрение цифровых технологий в повседневную деятельность органов государственного контроля.

В-четвертых, реформа КНД отличается серьезным методологическим основанием и тщательной методологической проработкой. Их обеспечили разработанная система общих принципов КНД и стандарт комплексной профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям.

В-пятых, заложен принцип автоматизма в проведении периодической инвентаризации обязательных требований: сохранение требования в силе потребует активных действий от органов исполнительной власти, способствуя созданию благополучной нормативной и социальной среды, в которой в дальнейшем не будут применяться необоснованные и абсурдные нормы.

Возникающие в сфере КНД отношения разнообразны и многоаспектны. В связи с этим, несмотря на позитивные новации, содержащиеся в законе о государственном контроле и в законе об обязательных требованиях, им присущи и некоторые недостатки.

Закон о государственном контроле сильно перегружен процедурными вопросами в ущерб содержательному ре-

гулированию инструментов государственного контроля. Например, риск-ориентированному подходу в нем уделено неоправданно мало внимания. Предложенные конструкции процедур таковы, что степень защищенности бизнеса снижается [1, с. 82–83].

Нуждаются в определенной корректировке нормы, относящиеся к принципам госконтроля. Некоторые эксперты, например, критикуют наличие в тексте норм оценочных категорий, неясность самих правовых конструкций, отмечают недостаточность принятых норм для устранения выявленных на практике проблем и восполнения правовых лакун [5].

Закон об обязательных требованиях лишь частично решает проблему неконтролируемого возникновения обязательных требований. При наличии в законопроекте ряда прогрессивных новаций, он, к сожалению, не обеспечен в должной мере механизмами реализации. Большая часть его положений требует разработки дополнительных подзаконных правовых актов, а также проведения процедур оценки обоснованности существующих либо проектируемых обязательных требований, по своей природе предполагающих поиск компромиссов.

Анализируя предпринятые меры в сфере законодательства, видится возможным создание более масштабного закона о госконтроле. Потому что в этой сфере действует около 400 отраслевых законов, не считая подзаконных актов. Это может быть кодекс или кодифицированный акт, включающий в себя как процессуальные, так и материальные нормы. Об этом говорил и зампред Совета Безопасности РФ Д. А. Медведев на Совещании Правительства РФ 2 декабря 2020 г [6].

Нуждаются в корреляции также технологии контроля. Так, значимы проблемы переизбытка количества проверяющих на один и тот же объект, поэтому важно исключить дублирование полномочий на уровне федеральных ведомств, в то время как они осуществляются региональными и муниципальными органами исполнительной власти.

Не составлены перечни обязательных требований для предпринимателей, законодательно исчерпывающе не закреплены виды государственного контроля.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание не только на формально-юридическую сторону вопроса, но и подумать о повышении правовой культуры, как рядовых членов общества, так и представителей бизнес сообщества и чиновников, к которым обращаются граждане с информацией о нарушениях. При этом важно решить вопрос и об ответственности за ложные доносы, которые могут использоваться как элемент коммерческой борьбы и наносить ущерб репутации предпринимателям.

С позиций современного дня очевидно, что рассматриваемая область деятельности еще нуждается в дальнейшем совершенствовании, принятии новых нормативно-правовых актов и их упорядочивании. Вместе с тем видны значимые результаты колоссальной, слаженной коллективной работы всех участников реформы, внесших вклад в совершенствование области КНД.

Литература:

1. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Аналитический доклад — 2019 / С. М. Плаксин (рук. авт. кол.), И. А. Абузярова и др.; Российский союз промышленников и предпринимателей; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 138 с.
2. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля Федеральных закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федеральных закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ; О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральных закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. О реформе — Регуляторная гильотина. Сайт реформы контрольно-надзорной деятельности. URL: <http://knd.ac.gov.ru/about>
5. Ключевская Н. Принципы госконтроля — 2021: фундамент новой системы контрольно-надзорной деятельности URL: <https://www.garant.ru/article/1405849/>
6. О реформе контрольно-надзорной деятельности: Совещание Правительства РФ от 02.12.2020 г. URL: <http://government.ru/news/38487/>

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Основные принципы деятельности прокуратуры и их значение для соблюдения прав предпринимателей

Васильева Светлана Александровна, студент магистратуры;
Загоруйко Игорь Юрьевич, доктор экономических наук, доцент, профессор
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассмотрены основные принципы деятельности прокуратуры. В статье произведен анализ значения принципов деятельности органов прокуратуры при осуществлении надзора в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: Российская Федерация, предпринимательская деятельность, прокуратура, орган прокуратуры, осуществление надзора.

Конституционно-правовой статус прокуратуры, являющийся основной частью правового статуса, наиболее полно отражает правовое положение прокуратуры в современной конституционной системе. Хотя ст. 129 Конституции и не подчеркивает принадлежность прокуратуры Российской Федерации к системе федеральных органов, тем не менее порядок назначения Генерального прокурора Российской Федерации, установленный частью 2 ст. 129 Конституции РФ, конкретизация принципа централизации, нашедшая отражение в порядке назначения прокуроров субъектов Российской Федерации, иных прокуроров, вполне определенно указывают на конституционный статус прокуратуры в системе федеральных органов государственной власти.

Федеральная природа органов прокуратуры позволяет ей бескомпромиссно реагировать на не соответствующие Конституции Российской Федерации и законам, действия и акты федеральных органов исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. [1]

Органы прокуратуры Российской Федерации должны обеспечивать соблюдение прав не только граждан страны, но и человека и других категорий субъектов, прямо не обозначенных в Законе о прокуратуре. Например, в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 не отражено, что прокуратура надзирает за соблюдением прав юридических лиц, прав государственных органов и их должностных лиц. Вместе с тем, защита подобного рода субъективных прав вытекает из самого первого направления прокурорского надзора, а именно «надзора за исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации» (п. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре).

В современном экономическом словаре под принципом (от лат. principium — основа, начало) понимается:

- 1) основные, исходные положения какой-либо теории, основные правила деятельности;
- 2) установившиеся, укоренившиеся, общепринятые, широко распространенные правила хозяйственных действий и свойства экономических процессов. [2]

Принципы организации и работы органов прокуратуры, несомненно, следует рассматривать в аспекте «основные правила деятельности».

Рассмотрим правила деятельности органов прокуратуры с точки зрения их значения для осуществления надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности.

Основополагающие принципы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации закреплены в ст. 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». [3]

Основной принцип деятельности прокуратуры отражен в пункте 1 статьи 4 Закона о прокуратуре — это принцип единства. Указанный принцип подразумевает под собой, что все территориальные и специализированные прокуратуры, действующие на территории Российской Федерации, образуют единую систему, что обеспечивает одинаково равную защиту прав субъектов предпринимательской деятельности, независимо от места регистрации и осуществления деятельности.

Независимость органов прокуратуры, закрепленная в п. 2 ст. 4 Федерального закона № 2202-1 от 17.01.1992, позволяет осуществлять полномочия работниками надзорного ведомства независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами. Данный принцип позволяет из-

бегать вмешательства кого-либо в осуществлении полномочий прокурора и гарантирует беспристрастность сотрудников прокуратуры при защите прав субъектов предпринимательской деятельности.

Принцип гласности в прокурорской деятельности означает, что каждый сотрудник действует гласно, если это не противоречит требованиям отечественного законодательства об охране прав и свобод граждан, а также законов о государственной и иной специально охраняемой законом тайне. Гласность необходима для того, чтобы общество осуществляло контроль над деятельностью надзорного ведомства и таким образом было информировано о состоянии законности и недостатках в этой работе. Реализация этого принципа выражается в открытости профессиональной деятельности, ее доступности для граждан и средств массовой информации. [4]

Пунктами 3,4,5 статьи 4 Закона о прокуратуре предусмотрено, что прокурорские работники не могут быть членами выборных и иных органов, не могут являться членами общественных объединений, преследующих политические цели, и принимать участие в их деятельности, не вправе совмещать свою основную деятельность с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности. Указанные ограничения для сотрудников надзорного ведомства гарантируют беспристрастность прокуроров при проведении проверок в отношении хозяйствующих субъектов.

Кроме принципов деятельности прокуратуры, прямо указанных в статье 4 Федерального закона № 2202-1 от 17.01.1992, можно выделить и другие.

Например, согласно п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре органы прокуратуры (при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина) не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций. Таким образом, Законом о прокуратуре установлены пределы компетенции органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности: не допускается какое-либо вмешательство прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных ей организаций.

Так Верховный суд РФ при рассмотрении дела по заявлению Фонда поддержки предпринимательства городского округа «Поселок Агинское» о признании недействительными представления исполняющего обязанности прокурора Агинского района Батомункуева Ж. Ж. от 13.03.2018 N 07-25а-2018, письма заместителя прокурора Батомункуева Ж. Ж. от 19.04.2018 N 07-25а-2018, действий заместителя прокурора незаконными, об обязанности устранить допущенные нарушения прав и законных интересов заявителя, в Определении № 302-ЭС19-14081 указал, что в соответствии с п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре органам прокуратуры запрещено подменять иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, либо вмешиваться в оператив-

но-хозяйственную деятельность организаций, суды признали недопустимым внесение акта прокурорского реагирования в отсутствие доказательств неисполнения фондом законов и иных подзаконных нормативных правовых актов. В связи с тем, что указанное в представлении требование о принятии мер к устранению нарушений закона, причин и условий им способствующих, безотлагательном рассмотрении представления с участием представителя прокуратуры не соответствует нормам закона, поскольку оно не связано с соблюдением (несоблюдением) фондом Конституции Российской Федерации и требований законов, фактически касалось отношений двух хозяйствующих субъектов относительно обязательств по договору аренды, сумм задолженности, размера сумм, подлежащих зачету, имеет место вмешательство в деятельность соответствующих хозяйствующих субъектов в рамках исполнения (неисполнения) ими договорных обязательств. [5]

Результатом систематического толкования п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре может стать следующий вывод: при осуществлении прокурорского надзора и государственного (муниципального) контроля недопустимо совершение действий за субъекта (объект) надзора (контроля), но лишь понуждение законными средствами совершить соответствующие действия, входящие в оперативно-хозяйственную деятельность.

Таким образом, прокурорские проверки не предполагают вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (объектов). [6]

Также в юридической прессе выделяют принцип обязательности исполнения прокурорских требований (ст. 6 Закона о прокуратуре).

Сущность данного отраслевого принципа заключается в том, что требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок, что гарантирует восстановление нарушенных прав предпринимателей.

При рассмотрении кассационной жалобы от 20.02.2019 общества с ограниченной ответственностью «Диалог» на решение Арбитражного суда Хабаровского края от 19.07.2018 по делу № А73-6697/2018, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда 26.09.2018 и постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.12.2018 по тому же делу по заявлению общества к прокуратуре Хабаровского края, прокуратуре Краснофлотского района города Хабаровска о признании недействительными запроса от 15.03.2018 N 2-179-2018 о предоставлении сведений и документов, о признании незаконными действий, выразившихся в вынесении указанного запроса в определении от 22.04.2019 Верховный суд РФ указал, что отказывая в удовлетворении требований общества, суды руководствовались положениями ст. 1, 6, 21, 22, 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 10 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и пришли к выводу, что обжалуемый пра-

новой акт прокурора соответствуют действующему законодательству и не нарушают права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности. [7]

Кроме того, за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, статьей 17.7 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, влекущая наложение административного штрафа, для должностных лиц возможна также дисквалификация, а для юридических лиц — административное приостановление деятельности.

Например, постановлением Верховного суда РФ от 02.09.2019 № 48-АД19-8 постановление мирового судьи судебного участка № 3 г. Снежинска Челябинской области от 11 мая 2016 г., решение судьи Снежинского городского суда Челябинской области от 6 июня 2016 г. и постановление заместителя председателя Челябинского областного суда от 23 мая 2019 г., вынесенные в отношении директора ОАО «Трансэнерго» Пряхина В. В. по делу об админи-

стративном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, оставлено без изменения, жалоба Пряхина В. В. — без удовлетворения. Рассматривая дело, суд указал, что в силу положений пункта 1 статьи 6 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» требования прокурора, вытекающие из его полномочий, перечисленных в ст. 9.1, 22, 27, 30, 33 данного Федерального закона, подлежат безусловному исполнению в установленный срок. Неисполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, а также уклонение от явки по его вызову влечет за собой установленную законом ответственность пункт 3 статьи 6 Закона о прокуратуре). [8]

Подводя итог, можно сделать вывод, что сочетание организационных, зональных и предметных принципов позволяет оптимально построить работу органов прокуратуры по выявлению, устранению и пресечению фактов нарушений прав субъектов предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Ульянов А. Ю. Конституционное назначение и функции прокуратуры // Российская юстиция 2018, № 3 URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.07.2020)
2. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2011
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»
4. «Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) (Зюбанов Ю. А.) («Проспект», 2018) {КонсультантПлюс} дата обращения 19.07.2020 ст. 4, дата обращения 02.08.2020
5. Статья: Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов (Черепанов М. М., Пугачев А. В.) («Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу», 2017, № 1) {КонсультантПлюс} дата обращения 19.07.2020
6. Определение Верховного Суда РФ от 22.04.2019 № 303-ЭС19-4578 по делу N А73-6697/2018 {КонсультантПлюс} дата обращения 02.08.2020
7. Постановление Верховного Суда РФ от 02.09.2019 N 48-АД19-8 {КонсультантПлюс} дата обращения 02.08.2020

Взаимоотношения государственной корпорации «Росатом» с ее дочерними предприятиями

Картухина Алина Вячеславовна, студент;

Юхтанова Анастасия Сергеевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье авторы анализируют вопросы взаимодействия государственной корпорации «Росатом» и ее дочернего предприятия. Авторами были изучены организационные и правовые вопросы такого взаимодействия.

Ключевые слова: государственная корпорация, дочернее предприятие, юридическая самостоятельность.

В настоящее время проблемным является вопрос эффективности и порядка взаимодействия государственных корпораций с их дочерними предприятиями. Это обусловлено особенными целями создания госкорпорации как юридического лица, а также его особой внутренней структурой и нормативным регулированием.

В данной статье будут рассмотрены вопросы взаимодействия Государственной корпорации «Росатом»

и ее дочернего предприятия АО «Гринатом». В частности, порядок их взаимодействия, акты регулирования, а также проблемные вопросы, возникающие на практике. Для начала нужно понять структуру данных субъектов. Они являются корпоративным объединением. Это разновидность объединения, представляющая собой совокупность экономически взаимосвязанных юридических лиц, организованных по принципу участия, осу-

ществляющих согласованную предпринимательскую деятельность. Одним из видов корпоративных объединений является холдинг — форма предпринимательского объединения, состоящий из группы экономически зависимых организаций, участники которых формально сохраняют юридическую самостоятельность, но в предпринимательской деятельности подчиняются одному из участников группы — головной организации холдинга.

Государственная корпорация «Росатом» была создана на основании ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» [2]. Она обеспечивает проведение государственной политики в области развития атомной отрасли и выполнение государственной программы вооружения [1]. «Росатом» осуществляет управление использованием атомной энергии и осуществляет свои полномочия и функции как самостоятельно, так и путем наделения частью своих полномочий организации Корпорации. В рамках данных полномочий она создает дочерние предприятия, которым передает часть своих функций, закрепленных в главе 2 ФЗ «О Госкорпорации «Росатом». На данный момент существует более 130 предприятий разной организационно-правовой формы, входящих в состав Государственной корпорации «Росатом». Большинство из них являются предприятиями ядерного энергетического комплекса, в частности АО «Атомэнергпропром» и АО «Концерн Росэнергоатом».

АО «Гринатом» — многофункциональный общий центр обслуживания (МФ ОЦО) Госкорпорации «Росатом», одно из предприятий атомной отрасли. Он был создан в 2009 году в рамках Программы трансформации информационных технологий Росатома. В ходе этой программы обеспечивающие функции предприятий — бухгалтерский и налоговый учет, управление персоналом и ИТ-поддержка — автоматизируются с помощью единых технологических решений и переводятся на обслуживание в ОЦО. Данная модель бизнеса была заимствована у мировых компаний, использующих типовые транзакционные процессы, которые передаются из организации в специализированный общий центр обслуживания (ОЦО). АО «Гринатом» действует в соответствии со стратегическими целями и задачами Госкорпорации «Росатом».

Порядок взаимоотношений между Госкорпорацией «Росатом» и ее дочерними предприятиями регулирует ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», ФЗ «О противодействии коррупции», ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», а также Указы Президента РФ и Постановления Правительства РФ, направленные на уточнение общей политики предприятий атомной отрасли. Взаимоотношения ГК «Росатом» и АО «Гринатом» регулируются Приказами госкорпорации, несмотря на то, что приказы носят в доктрине рекомендательный характер и не являются нормативно правовыми актами в целом, для дочерних пред-

приятий и всех участников отношений в сфере атомной энергетики они обязательны для исполнения.

В 2019–2020 годах отношения между ГК «Росатом» и его дочерними компаниями стали усложняться. Это связано с тем, что раньше любая деятельность и взаимоотношения между ними носили больше неформальный характер. Для утверждения, продления сроков и закрытия IT-проектов проводились общие собрания директоров, на которых принимались все важные решения по проектам, в том числе в отношении кого вести претензионную работу за те или иные нарушения. Ранее по логическим соображениям претензионная работа в отношении АО «Гринатом» не велась, так как, являясь многофункциональным обслуживающим центром, он не имеет возможность сформировать пакеты документов по проекту и закрыть его, пока нет решения управляющего совета (а в него входят в том числе представители из ГК «Росатом»). С этого года ситуация изменилась из-за антикоррупционных соображений и принятия новых законов в этой сфере, и к дочерним предприятиям было решено тоже предъявлять претензии за пропуски сроков закрытия проектов. Назвать эти изменения справедливыми и добросовестными нельзя, потому что АО «Гринатом» не может требовать выполнения каких-либо действий от Госкорпорации или самостоятельно вносить изменения в их внутренние регламенты взаимодействия. ГК «Росатом» обладает полным экономическим и юридическим контролем над дочерними предприятиями.

Следующая проблема — это «арбитражная оговорка», которая обязательно должна присутствовать при заключении договора с любым предприятием отрасли. Любые судебные споры, которые возникают между предприятиями отрасли, между внешними участниками (например, подрядчики) и дочерними компаниями, между дочерними компаниями и Госкорпорацией должны рассматриваться не в арбитражном суде, а в Российском арбитражном центре при Российском институте современного арбитража. С одной стороны, не так очевидно, чем проблемные третейские суды, но на практике дочерние предприятия сталкиваются с большими суммами сборов, с определенным влиянием Госкорпорации на выносимые решения арбитров (третейские суды не обладают такой независимостью, как государственные суды и атомное отделение РАЦа когда-то выделилось из комплекса предприятий Госкорпорации), а также с более жестким толкованием арбитров положений Гражданского Кодекса РФ.

Это не единственные проблемы, с которыми сталкиваются дочерние компании, но наиболее актуальные и важные. В заключение, мы хотим сделать вывод, что все предприятия атомной отрасли находятся в подчинении и в прямой зависимости от головного центра, то есть Госкорпорации «Росатом», но, чтобы их взаимодействие между собой было продуктивным для развития всей отрасли нужно изменить нормативное регулирование. Приказы Госкорпорации должны носить обязательный характер, но при этом их заранее нужно согласовывать

и обговаривать со всеми дочерними компаниями, чтобы не замедлять и необоснованно не усложнять их деятельность и процесс отчета перед Госкорпорацией. В том числе, любые нововведения должны быть финансово обоснованы, а в нашем случае при претензионной работе предприятия оплачивают неустойку и судебные рас-

ходы ГК «Росатом», а потом эти же деньги перечисляются на управление проектами. Получается, что денежные средства всегда функционируют между предприятиями отрасли и не выходят за рамки этих компаний, а на «арбитражный процесс» денежные средства уходят необоснованно и не эффективно.

Литература:

1. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. «Административное право Российской Федерации: учебник» (2-е издание, переработанное и дополненное) «РГ-Пресс», 2019.
2. Федеральный закон от 01.12.2007 N 317-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»//«Собрание законодательства РФ», 03.12.2007, N 49, ст. 6078.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Судейское усмотрение и оценка доказательств по внутреннему убеждению в гражданском судопроизводстве

Абрамова Наталья Александровна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматриваются вопросы реализации судьейского усмотрения в гражданском судопроизводстве в процессе оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.

Ключевые слова: *судейское усмотрение, гражданское судопроизводство, пределы осуществления, оценка доказательств по внутреннему убеждению.*

Judicial discretion and evaluation of evidence on internal belief in civil proceedings

Abramova N.A., master's student
International law Institute

The article discusses the implementation of judicial discretion in civil proceedings in the process of assessing evidence based on the judge's internal belief.

Keywords: *judicial discretion, civil proceedings, limits of implementation, evaluation of evidence on internal belief.*

Оценка доказательств, по мнению большинства теоретиков, является завершающим этапом (стадией) процесса судебного доказывания.

При изучении дискуссионных вопросов, связанных с выявлением пределов осуществления усмотрения суда, исследователи сталкиваются с проблемой соотношения судьейского усмотрения и оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.

Задачей данного исследования является формулирование обоснованного ответа на вопрос, реализуется ли судьейское усмотрение в гражданском судопроизводстве в процессе оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи при помощи логического, системного, формально-юридического, нормативного методов исследования.

В соответствии с частью 1 статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ): Федеральный закон от 27 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 08 июня 2020 г.) и частью 1 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ): Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Дискуссия о соотношении судьейского усмотрения и оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи ведется довольно давно.

Так, К. И. Комиссаров считал, что в сферу судьейского усмотрения не включается оценка доказательств по внутреннему убеждению [5]. Аналогичной позиции придерживалось большинство советских исследователей. Эту тенденцию объясняет Р. И. Опалев, ссылаясь на господство принципа объективной истины [6].

Действительно, если предположить, что суд, действуя в рамках принципа законности, признает одни и те же доказательства, например, достоверными и недостоверными, то объективность упомянутой истины ставится под угрозу.

Ученые, отстаивающие данную позицию, ссылаются на то, что внутреннее убеждение как категория выражает субъективное, психическое отношение судьи к фактически существующей действительности, что суд, формируя свое мнение относительно качества или же количества доказательств, основывается на собственных морально-нравственных установках, профессиональном и жизненном опыте [4].

Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что в процессе оценки доказательств по внутреннему убеждению имеет место усмотрение суда.

Так, А. Барак считает, что «первая область судейского усмотрения относится к решению о фактах» [3].

О. А. Папкина, изучая данную проблему, указывает, что деятельность по представлению и истребованию доказательств, а также деятельность, связанная с их исследованием и оценкой является «единой по природе и целям» [7]. Отсюда следует деление доказывания на следующие стадии: собирание, исследование и оценка доказательств. Автор полагает, что применения судейского усмотрения осуществляется при определении относимости доказательств, установлении допустимости доказательств, оценке доказательств.

Интересно отметить, что наличие таких диаметрально противоположных позиций в рамках исследования одной проблемы можно объяснить.

Так, Р. О. Опалев считает, что такое явление связано «с определенными методологическими сложностями в процессуальной науке» [6]. Автор утверждает, что доказывание регламентируется не только при помощи правовых, но и посредством логических законов, последние же игнорируются и не рассматриваются в рамках исследований указанной проблемы.

Полагаем, что в процессе оценки доказательств суд реализует собственное усмотрение. Аргументируем свою позицию следующим: оценка доказательств является не только психической, мыслительной деятельностью. Да, действительно, осуществляя оценку, судья не связан чьими-либо мнениями или суждениями. Но законодатель в нормах права очерчивает границы, устанавливает область, в рамках которых судья осуществляет деятельность по оценке доказательств по своему внутреннему убеждению.

Так, суд ограничен общими условиями оценки доказательств, содержащимися в статье 67 ГПК РФ и статье 71 АПК РФ. В частности, примечательно, что суд обязан отразить в мотивировочной части решения доводы относительно того, почему определенные доказательства приняты или отвергнуты судом, обязан указать основания,

по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

Помимо вышеуказанного, суд ограничивается пределами выбора средств доказывания (требование допустимости доказательств, установленное в статье 60 ГПК РФ, статье 68 АПК РФ). Суд не может заменить средство доказывания, явно определенное в законе, не вправе выйти за пределы перечня средств доказывания, однако в силу обстоятельств суд усматривает, какое количество и качество имеющихся доказательств необходимо. Например, в силу статьи 57 ГПК РФ и статьи 66 АПК РФ суд вправе предложить сторонам представить дополнительные доказательства.

Рассматривая требование об относимости доказательств, следует отметить, что суд определяет обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ), выносит на обсуждение обстоятельства, даже если стороны на них и не ссылались (ст. 56 ГПК РФ). В данном случае при определении обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, усмотрение суда будет ограничиваться нормами материального права, которые подлежат применению исходя из специфики конкретных сложившихся правоотношений. Важно отметить, что указанный предел определен в части 2 статьи 65 АПК РФ.

Таким образом, суд в рамках реализации собственного усмотрения оценивает доказательства как в ходе принятия, истребования и исследования доказательств, а также непосредственно в процессе формулирования судебного решения.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что оценка доказательств по внутреннему убеждению предусматривает применение судом собственного усмотрения. Чтобы сформировать внутреннее убеждение, суду необходимо в процессе исследования и оценки доказательств, в процессе осуществления мыслительной деятельности соотносить свое формирующееся субъективное мнение с правовыми пределами (ограничениями) судейского усмотрения.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ): Федеральный закон от 27 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 08 июня 2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 24. Ст. 3745.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ): Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5004.
3. Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. — М.: Норма, 1999. — 376 с.
4. Истомина М. К. Судебное усмотрение в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы гражданского и арбитражного процесса: реалии, потребности и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции. ВСФ ФГБОУВПО «РАП». 2014. С. 19–26.
5. Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2009. С. 427–547.
6. Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., ВолтерсКлувер, 2008. — 248 с.
7. Папкина О. А. Усмотрение суда. — М.: Статут, 2005. — 413 с.

Проблемы финансирования избирательной кампании в Российской Федерации

Глечян Сюзанна Андраниковна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся финансирования избирательной кампании. Особое внимание уделено проблемам проведения выборов в России по вопросам формирования избирательного фонда кандидатов и его расходования.

Ключевые слова: избирательная кампания, финансирование выборов, финансирование избирательной кампании, реформирование избирательной системы, федеральные выборы, избирательные процессы, избирательные комиссии.

Problems of election campaign financing in the Russian Federation

This article discusses issues related to election campaign financing. Special attention is paid to the problems of holding elections in Russia regarding the formation of the candidates' election Fund and its expenditure.

Keywords: election campaign, election financing, election campaign financing, reform of the electoral system, Federal elections, electoral processes, election commissions.

В настоящее время одна из проблем, с которой сталкиваются кандидаты в депутаты и президенты, — это финансирование избирательной кампании, ведь проведение выборов требует значительных материальных затрат как со стороны государства, в котором проводятся выборы, так и со стороны кандидата. Качественная предвыборная агитация проводится кандидатом только при наличии финансирования избирательной кампании в преддверии выборов. Поэтому немаловажным вопросом по сей день считается сбор средств для избирательной кампании.

В современной науке под финансированием выборов принято считать осуществление действий по предоставлению финансовых, а также иных материальных средств как участникам, так и организаторам избирательного процесса с целью материального обеспечения организации и проведения выборов, в том числе и избирательных кампаний кандидатов, политических партий.

Как показывает практика финансирование федеральных выборов в нашем государстве, значительно отличается от зарубежных стран. Так как финансирование выборов в Российской Федерации не дает приращения общественного богатства, также валового внутреннего продукта страны, — так с экономических позиций следует стремиться к минимизации затрат, сделать выборы дешевле. Однако такой взгляд не соответствует ни практике роста расходов на федеральные выборы, ни функциональному назначению самих выборов как фактически главного прямого канала народовластия.

Надо отметить, что понятие «финансирование выборов» в научной литературе понимается в узком и широком смыслах. В узком смысле под финансированием выборов следует понимать осуществление действий по предоставлению финансовых и иных материальных средств участникам и организаторам избирательного процесса с целью материального обеспечения организации

и проведения выборов, а также избирательных кампаний кандидатов, политических партий.

Существуют основания и для более широкого понимания содержания понятия «финансирование выборов». В него включаются, наряду с указанными действиями, также осуществление расходов на содержание действующих на постоянной основе избирательных комиссий, государственной автоматизированной системы России «Выборы» (далее — «ГАС «Выборы»); выплаты политическим партиям по итогам федеральных выборов; налоговые льготы получателям средств из избирательных фондов; средства, возвращенные в федеральный бюджет политическими партиями, не набравшими определенную минимальную долю голосов по результатам выборов; расходы организаций, которые обязаны оказывать содействие избирательным комиссиям [1].

С принятием отдельных нормативно-правовых актов, которые устанавливают конституционные (личные) права граждан избирать и быть избранными, вопрос финансового обеспечения выборов на сегодняшний день стал особым предметом законодательного регулирования как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Особое внимание во время проведения выборов в нашем государстве уделяется вопросам формирования избирательного фонда кандидатов и его расходования.

В настоящее время в нашем государстве при проведении федеральных избирательных кампаний актуальна и неизменна проблема противодействия экстремизму («политическому экстремизму»). Проблематичным остается контроль со стороны государства за избирательным процессом на предмет возможных проявлений политического экстремизма — в форме предоставления из зарубежных стран финансовой помощи российским общественным организациям с целью проведения предвыборной агитации избирательной кампании.

Общая взаимосвязь избирательного процесса с актуальной проблемой противодействия «Политическому экстремизму» связана как социально-политическим значением выборов в системе народовластия, так и их значительной важностью для сохранения и защиты основ конституционного строя и обеспечения безопасности нашего государства [2].

В период выборов серьезные опасения вызывает использование участниками избирательного процесса и зарубежными государствами средств массовой информации для нанесения ущерба суверенитету и территориальной целостности России, разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной вражды, инспирирования сепаратистских настроений и межнациональных обострений в субъектах Федерации.

На фоне возрастающей информационной зависимости человека и общества отдельные спецслужбы зарубежных стран в период выборов предпринимают попытки скрытой информационно-пропагандистской, финансовой и иной поддержки тех кандидатов на выборные долж-

ности, деятельность которых носит экстремистский характер. Поэтому серьезную опасность для России могут представлять попытки конспиративного целенаправленного вмешательства ряда иностранных государств.

Анализ конституционно-правового механизма организации и проведения выборов свидетельствует о необходимости финансового обеспечения гарантий самостоятельности избирательных комиссий во взаимоотношениях с органами государственной власти и местного самоуправления.

Таким образом, исходя вышеизложенного, необходимо отметить, что правовое регулирование организации и проведения выборов должно быть направлено на обеспечение законности финансирования избирательных кампаний. Это связано с тем, что в период выборов операции с денежными средствами и иным имуществом отдельных кандидатов и политических партий нередко сопряжены с отмыванием доходов, полученных преступным путем или в результате взносов экстремистских организаций.

Литература:

1. Точкин Д. В. Финансирование федеральных выборов в России: конституционно-правовые проблемы (Специальность: 12.00.02 — конституционное право; муниципальное право) // Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юр. н. — М., 2010. — С. 8.
2. Красинский В. В. Правовое регулирование выборов в контексте противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации // Военно-политический журнал. 2006. № 5.

Актуальные проблемы и особенности рассмотрения гражданских дел с участием органов опеки и попечительства

Цопа Ян Владимирович, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье рассматриваются актуальные проблемы участия органов опеки и попечительства с точки зрения процессуальной науки. Устанавливается связь юридического интереса органов опеки и попечительства с публичным интересом государства, анализируется схожесть формы процессуального участия с прокурором. Указываются отличительные особенности участия органов опеки и попечительства в делах, не связанных с воспитанием детей. Автором делаются выводы об основании участия органов опеки и попечительства, предъявляемых ими процессуальных документов и в целом доказывания по таким делам. Автор пришел к выводу, что органы опеки и попечительства осуществляют содействие суду в сборе доказательств, предоставляя акт обследования, а также что заключение может быть реализовано только в делах, связанных с воспитанием детей.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, процессуальный интерес, третьи лица, заключение по делу.

Current problems and features of processing civil cases with the participation of guardianship authorities

The article deals with current problems of participation of guardianship authorities from the point of view of procedural science. The connection of the legal interest of guardianship authorities with the public interest of the state is established, and the similarity of the form of procedural participation with the prosecutor is analyzed. The distinctive features of the participation of guardianship authorities in cases not related to the upbringing of children are pointed out. The author draws conclusions about the basis for the participation of guardianship authorities, the procedural documents presented by them, and in general the proof in such cases. The

author concludes that the guardianship authorities assist the court in collecting evidence by providing an inspection report, and that the conclusion of a case can only be implemented in cases involving the upbringing of children.

Keywords: *guardianship authorities, procedural interest, third parties, conclusion of a case.*

Основанием участия органов опеки и попечительства является интерес государства в правильном разрешении дел, имеющих важную социальную направленность, и защите прав и законных интересов несовершеннолетних, не имеющих в большинстве случаев возможности самостоятельно участвовать в процессе и защищать свои интересы.

Органы опеки и попечительства имеют в деле процессуальный интерес, или как его называют некоторые авторы, служебный интерес [1]. Н. А. Киреева однако полагает, что служебный интерес имеется у многих органов, но когда орган опеки и попечительства вступает в процесс, то лишь тогда интерес становится процессуальным [2 с. 28]. Это приводит к мысли о схожести формы процессуального участия с прокурором (обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц в соответствии со ст. 46 ГПК РФ и дача заключения по делу в соответствии со ст. 47 ГПК РФ, сходная с дачей заключения прокурором в ст. 45 ГПК РФ).

Как известно, органы опеки и попечительства могут привлекаться к участию в судебном процессе либо сторонами спора, либо самим судом, согласно положениям ст. ст. 47, 244.15, 273, 281 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также статье 78 Семейного кодекса Российской Федерации. Закон предусматривает участие органа опеки и попечительства в рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, как в качестве стороны по делу (ст. 46 ГПК РФ), так и в качестве государственного органа, компетентного дать заключение по существу спора (ст. 47 ГПК РФ). В остальных делах искового производства органы опеки и попечительства обычно привлекаются сторонами к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований (ст. 43 ГПК РФ). Процессуальные права и обязанности органа опеки и попечительства, привлекаемого для дачи заключения по спору и третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, являются различными. На эту проблему обратил внимание Верховный Суд РФ и в 2011 году четко указал, что в силу положений ст. 47 ГПК РФ органы опеки и попечительства в делах, связанных с воспитанием детей, относятся не к третьим лицам, а к лицам, участвующим в деле в качестве государственного органа, компетентного дать заключение по существу спора [3]. Многие авторы указывают, что привлечение органов опеки и попечительства в качестве третьего лица по таким делам является процессуальным нарушением [4]. Однако, несмотря на четкое разграничение такого положения в деле, у таких нарушений имеются свои исторические причины. ГПК РСФСР 1923 года в 168 статье уже тогда находил некоторые сходства участия государственных органов с участием третьих лиц, не заявляющих самостоятельных

требований: они не являются субъектами спорного гражданского правоотношения, не заявляют требований.

При участии в качестве органа, компетентного дать заключение по существу спора, у органов опеки и попечительства имеется четкая функция, обусловленная не частным интересом родителей и других лиц, а публичным интересом в силу статьи 38 Конституции Российской Федерации. Статьей 4 Конвенции о правах ребенка на государство (и органы опеки и попечительства в том числе) возложены обязанности принимать все меры для защиты прав ребенка [5].

Многие ученые и практикующие юристы сходятся во мнении, что семейные споры, а особенно споры о воспитании детей, относятся к категории сложных судебных гражданских дел. При этом обстоятельства по таким спорам не обладают юридической оформленностью и им свойственны оценочные суждения — это характеристика привязанности ребенка к каждому из родителей, оценка нравственных и иных качества родителей или лиц, их заменяющих, и т. д. Именно поэтому органы опеки и попечительства привлекаются к участию в деле, чтобы в полном объеме установить данные обстоятельства и дать им соответствующую оценку. Сложность проявляется и с позиции доказательственного права, а именно в правильном определении предмета доказывания и оценке представленных доказательств, поскольку споры о воспитании детей обладают своей спецификой доказывания, побуждающей как сторон, так и суд, к анализу делящихся, изменчивых и не всегда обладающих возможностью фиксации семейных взаимоотношений. Как справедливо отмечает профессор М. А. Фокина «доказательство считается относящимся к делу тогда, когда между содержанием судебного доказательства и фактами, подлежащими установлению, имеется объективная связь» [6, с. 274]. Решетникова И. В. в своей работе считает, что если вступление лиц в процесс предусмотрено в целях дачи заключения в соответствии со ст. 47 ГПК РФ, то они изучают и соответствующие факты, а также собирают доказательства и анализируют их, результатом чего является отражение мнения и оценка этих доказательств в своем заключении [7]. Можно сказать, что органы опеки и попечительства осуществляют содействие суду в сборе доказательств, результатом чего является заключение, в котором отражена оценка фактов и обстоятельств, отраженных в акте обследования. Однако не стоит забывать, что заключение органов опеки и попечительства и акт обследования расценивается судом в качестве доказательства [8].

Некоторые суды требуют от органов опеки и попечительства предоставление акта обследования и заключения по делам, не связанным с воспитанием детей, что противоречит законодательству (ст. 78 Семейного кодекса РФ и ст. 47 ГПК РФ), и по мнению автора в одном из таких дел о признании утратившими право пользования жилым по-

мещением и снятии с регистрационного учета [9] является очень грубым и даже комичным, поскольку мнение органа опеки и попечительства в таком заключении сложно сделать мотивированным, не прибегая к искажению фактических обстоятельств дела. Таким образом, заключение органа опеки и попечительства является отдельным процессуальным документом, его особенности и возможности в полной мере реализуются в качестве доказательства только в спорах, связанных с воспитанием детей

(в отличие от акта обследования, который может служить возможным и допустимым доказательством в случае соответствующего поручения суда). В других спорах такой процессуальный документ лишается своей процессуальной «наполненности», выражающейся в компетентности и необходимой как в силу закона, так и в силу косвенного исследования для суда фактов и обстоятельств, имеющих значение для правильного и всестороннего разрешения спора.

Литература:

1. Викинг М. А. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе // Ученые записки Саратовского юридического института. — Т. 6. — Саратов, 1957 — С. 265–283.
2. Киреева Н. А. Участие органов опеки и попечительства в советском гражданском процессе: дис... степени канд. юр н. 12.00.03 / Н. А. Киреева. — М., 1985. — 181 с.
3. «Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011)
4. Якушев П. А. «Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: Монография» («Проспект», 2018) // СПС «Консультант Плюс»
5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990)
6. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: Дис. д-ра юрид. наук / М. А. Фокина; Науч. конс. Г. А. Жилин. М., 2011. 612 с.
7. Решетникова И. В. «Размышляя о судопроизводстве: Избранное» Статут, 2019, Глава 3.2.3. Субъекты доказывания в суде // СПС «Консультант Плюс».
8. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 года № 10 и от 14.11.2017 № 44.
9. Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33–30660/2019 от 06.08.2019.

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Право на научное открытие

Горшков Артур Олегович, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В данной статье раскрываются проблемы правовой охраны интересов ученых, совершивших научное открытие. Анализируется действующее законодательство по проблеме исследования, формулируются некоторые предложения по развитию нормативно-правовых актов, регулирующих обеспечение интересов граждан, которые совершили научное открытие.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, право интеллектуальной собственности, научное открытие, право приоритета.

This article reveals the problems of legal protection of the interests of scientists who have made a scientific discovery. The current legislation on the research problem is analyzed, some proposals are formulated for the development of normative legal acts regulating the interests of citizens who have made a scientific discovery.

Keywords: intellectual property, intellectual property law, scientific discovery, priority right.

В современном мире научные достижения являются не только основой решения социально-политических государственных задач, но также вступают одним из важных конкурентных преимуществ на рынке, что обуславливает и их экономическую значимость. В связи с этим возникает вопрос о нормативно-правовом регулировании научных открытий и обеспечения участия прав на подобного рода товар в экономическом обороте, о достаточности уже существующих правовых институтов либо же принятии новых актов для их охраны.

Законодательное регулирование научных открытий должно гарантировать не только обеспечение охраны интеллектуальных прав и интересов исследователей, которым принадлежит научное открытие, но и его использование на благо всего социума.

В действующих законодательных актах Российской Федерации нет нормативно-правового регулирования по охране научных открытий. В Гражданском кодексе РФ [2] содержится большой список охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, однако научные открытия, выступающими результатами интеллектуальной работы и способствующими развитию, в первую очередь, фундаментальной науки и техники, в данный перечень не включены.

Институт правового регулирования научно-исследовательских результатов обязан играть значительную роль при проверке достоверности важнейших научных открытий. Формирование данного правового института дает возможность укрепить авторство и приоритет относительно научных открытий и способствовать усилению моральной и финансовой заинтересованности ученых

при становлении в Российской Федерации инновационной экономики [5].

Субъектами прав на научное открытие выступают следующие лица:

- авторы научного открытия;
- соавторы;
- наследники авторов (соавторов) научного открытия;
- работодатели;
- заказчики.

Гражданин, который совершил научное открытие, обладает правом приоритета касаясь данного открытия — правом признаваться лицом, которое первое осуществило научное открытие. Право на наименование научного открытия состоит в том, что автор получает право дать совершенному им открытию собственное имя либо иное специальное название. Исключительные права относительно научного открытия, такие как право приоритета и право на наименование, необходимо признавать и в соответствии с этим придать им правовую охрану при соблюдении следующего — прохождения государственной регистрации данного научного открытия, реализующегося в установленном законом порядке.

Право на научное открытие приобретает на следующих основаниях:

- прохождения государственной регистрации;
- при наследовании;
- на основании решения суда по установлению автора научно-исследовательского результата [4].

На уровне международного законодательства правовое регулирование научных открытий осуществляется

в соответствии с Конвенцией, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности [3]. В число участников данной конвенции на сегодняшний день входит и Российская Федерация.

Статья 2 данной конвенции закрепляет состав объектов интеллектуальной собственности, в этот перечень входят и научные открытия. Однако статья 1225 Гражданского Кодекса Российской Федерации не относит научные открытия к объектам интеллектуальной собственности, что противоречит данной конвенции. А между тем пункт 4 статьи 15 Конституции РФ гласит, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [1].

Научное открытие по своей сути — нематериальный объект, появляющийся в результате интеллектуальной деятельности автора, который установил какие-либо исходные начала, идеи, которые лежат в основе явлений материального мира, вносящих фундаментальные изменения в уровень научного познания. Патент же распространяется на технические результаты деятельности человека, имеющие ценность в промышленности. Патентное

право имеет в первую очередь экономическое значение, а авторское — социальное и правовое.

Нормативно-правовое регулирование осуществляется с момента регистрации научного открытия в реестре научных открытий. Права автора на научное открытие, охраняются в соответствии с требованиями охраноспособности научного открытия — новизны, достоверности и научной значимости, и подтверждаются выданным уполномоченным органам дипломом. Права на научное открытие защищаются в суде, а также в порядке самозащиты в третейском суд интеллектуальной собственности, либо через урегулирование конфликта при участии третьей нейтральной, беспристрастной, которая не заинтересована в данном споре [6].

Предлагается закрепить правовой статус научного открытия в законодательстве Российской Федерации. Необходимо отнести научные открытия к объектам права интеллектуальной собственности, а точнее к авторским правам, включив их в статью 1225 Гражданского кодекса РФ. Также следует закрепить личные неимущественные права лиц, осуществивших научное открытие, к которым относим право на наименование и право приоритета на научно-исследовательский результат.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020).
3. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (Подписана в Стокгольме 14.07.1967, изменена 02.10.1979).
4. Воскресенская Е. В. Конституционно-правовое значение интеллектуальной собственности: опыт евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 3. — с. 269–273.
5. Жарова А. К. Защита интеллектуальной собственности: учебник для вузов / А. К. Жарова; под общей редакцией А. А. Стрельцова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 341 с.
6. Право интеллектуальной собственности: учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. А. Позднякова [и др.]; под общ. ред. Е. А. Поздняковой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 321с.

Эволюция законодательства в сфере регулирования института селекционных достижений

Коняшин Матвей Сергеевич, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматривается вопрос эволюции законодательства в сфере регулирования прав на селекционные достижения.

Ключевые слова: селекционное достижение, авторское свидетельство, изобретение, сорт растений, порода животных.

Зарождение селекции и селекционных достижений относится к родоплеменному этапу развития человечества [1]. Как только человек начал обрабатывать землю и выращивать на ней растения, он начал отбирать, сохранять и размножать лучшие из них, благодаря чему

под действием естественного отбора и примитивных искусственных отборов произошло окультуривание ряда растений, таких как лук, перец, полба, просо, фасоль, чумиза ячмень, а также возникло разнообразие культурных форм данных растений [4].

Обращаясь к генезису селекции, отметим позицию Н. И. Вавилова, который пишет, что «Истоки селекции как искусства уходят к началу земледелия, к введению в культуру растений, к одомашнению животных. История животноводства и растениеводства выявляет огромную роль селекции как искусства, направленного к овладению управлением живым организмом, животным и растением, в целях удовлетворения потребностей человеческого общества... Сотни и тысячи лет существует ряд видов и сортов пшеницы в культуре, отобранных когда-то неизвестными селекционерами. В Перу поныне возделывают сорта кукурузы, объединяемые в группу Куско, с чрезвычайно крупными зёрнами, превосходящими раза в 3–4 обычные формы культурной кукурузы. Раскопки показали, что такая же крупнозёрная кукуруза существовала уже по крайней мере тысячу лет тому назад и была известна инкской цивилизации» [2].

Между тем, несмотря на столь древнюю историю селекции, охрана и защита прав на селекционные достижения — сравнительно новая сфера правового регулирования, зародившаяся лишь в XVIII–XIX веках. Как отмечал А. А. Пиленко, «античный мир не знал ничего аналогичного с современными привилегиями на изобретения. Объясняется это чрезвычайно просто: весь строй тогдашних экономических и социальных отношений складывался так, что не было потребности защищать права изобретателей» [8].

Потребность в защите прав на селекционные достижения в России, как и во всём мире, возникла только в конце XIX — начале XX вв.

Впервые правовая норма, позволяющая получить патент на селекционное достижение, появилась в Соединённых Штатах Америки в 1790 г. в законе об изобретениях. На смену данному нормативному правовому акту пришёл Закон 1930 г. о патенте на сорт растения, регулирующий право интеллектуальной собственности на сорта растений, размножающиеся неполным путём: делением, клубнями и т. д. [12].

Победоносцев К. П., рассуждая о причинах возникновения института прав на изобретения, отмечает, что «Изобретателю предоставляется право на исключительное пользование применением своего открытия и на удержание оно за своим именем и личностью. Предполагается, — с юридической точки зрения, что изобретатель должен иметь право пользоваться тем, что произвел личными силами своего духа, пользоваться силой, которую сам создал. С политико-экономической точки зрения право это объясняется пользой целому обществу. Оно составляет побуждение к открытиям и к немедленному их обнародованию, уничтожает повод содержать их в тайне. Впрочем, так же как право литературной собственности, и это право не должно быть собственностью вечной и бессрочной, но по истечении известного времени должно делаться общественным достоянием» [9].

Появлению в отечественном праве первых нормативных правовых актов о защите прав на селекционные достижения предшествовал, так же как и в зарубежных

законодательствах, период формирования нормативной базы о правовой охране изобретений.

Первое в отечественной истории упоминание об исключительном праве на изобретение содержалось в привилегии от 14 декабря 1752 г., которая была выдана М. В. Ломоносову на «делание разноцветных стёкол, бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей» в период правления императрицы Елизаветы Петровны «дабы он, Ломоносов, яко первый в России таких секретов сыскатель, за понесённый им труд удовольствие иметь мог того ради впредь от нынешнего времени 30 лет никому другим в заведении тех фабрик дозволения не давать» [9].

В 1812 году система привилегий получило легальное закрепление в Манифесте Александра I от 17 июня «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах». Данным нормативным актом, который являлся, по сути, первым патентным законом в России и придал завершённую юридическую форму первоначальной стадии охраны изобретений, устанавливались процедура выдачи и аннулирования, срок действия, содержание и форму привилегий на изобретения.

Данный Манифест впервые в России устанавливал, что изобретатель имеет исключительное право использовать своё изобретение лично и передавать право использования изобретения другим лицам.

Основанием возникновения права на изобретение считалась привилегия, выданная Министерством внутренних дел после рассмотрения вопроса на Государственном совете. Привилегия выдавалась по обращению заявителя. Действовала она три, пять или десять лет, в зависимости от размера уплачиваемой пошлины, без возможности её продления, причём данный срок начинал своё течение не с даты подачи прошения на выдачу привилегии, а с даты выдачи такой привилегии [7].

Условием выдачи привилегии являлось наличие описания изобретения, а само изобретение должно быть окончательным. При рассмотрении прошения о выдаче привилегии проверялась полнота, точность и ясность описания изобретения, отсутствие на изобретение уже выданной привилегии, а также общественная польза изобретения, отсутствия у него вредных или опасных свойств. Начиная с Патентного закона от 30.03.1870 утверждение привилегии осуществлялось министром государственных имуществ, земледелия или финансов. В дореволюционном законодательстве был предусмотрен порядок уплаты пошлин за привилегию и опубликования привилегий. По желанию просителя он мог получить свидетельство на открытие как предварительный документ перед выдачей привилегии. Суть привилегии заключалась в том, что лицо, обладавшее привилегией, получало имущественные права в отношении изобретения на срок, указанный в привилегии. Данные права можно было передать другому лицу как частично, так и в полном объёме: завещаны, отчуждены на возмездной основе, подарены, а также могли перейти к другому лицу по наследству в силу закона. Кроме того, законодательством был установлен порядок защиты имущественных прав и воз-

мещения убытков. При этом на лицо, получившее привилегию, накладывалась обязанность её использования [9].

«Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования» от 20.05.1896 усовершенствовало действовавшую на тот момент систему выдачи привилегий, введя требование о проведении содержательной проверки новизны изобретений. Начиная с вступления в силу данного положения исключительное право пользования изобретением стало выдаваться сроком на 15 лет.

В отечественной цивилистике второй половины XIX — начале XX веков велась дискуссия о месте интеллектуальных прав в системе правового регулирования. Г. Ф. Шершеневич писал: «... с тех пор, как положительные законодательства приняли это злополучное право под свою защиту, оно носится по горизонту науки без всякого определённого назначения, подобно птице, высматривающей место, куда ей удобнее было бы спуститься» [13].

Особенностью дореволюционного правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности являлось то, что селекционное достижение не рассматривалось как самостоятельный объект правового регулирования.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, завершения Первой мировой войны, отражения атак иностранных интервентов, завершения Гражданской войны, на фоне всеобъемлющей разрухи и нищеты, колоссальных человеческих потерь, экономического и политического кризиса начинается восстановление народного хозяйства, в том числе сельского хозяйства, в связи с чем возникла необходимость в развитии селекционной работы.

Начало регулированию отношений в сфере селекционной деятельности было положено декретами Совета Народных Комиссаров «О племенном животноводстве» (1918 г.), «Об охране и развитии тонкорунного (мериносового) овцеводства» (1919 г.), «О племенном животноводстве в трудовых хозяйствах» (1920 г.) и «О семеноводстве» (1921 г.).

Декретом Совета Народных Комиссаров от 30.06.1919 г. было утверждено «Положение об изобретениях», в соответствии с которым в СССР был введён институт авторских свидетельств, призванных охранять права изобретателей. Главное отличие данного документа от привилегии и патента заключается в том, что, в отличие от них, авторское свидетельство не закрепляет за изобретателем исключительное право на изобретение, а лишь даёт своему обладателю право авторства и право на материальное вознаграждение в случае использования изобретения. Таким образом, сохраняя за изобретателем авторское и имущественное право, государство берёт на себя функцию использования изобретения и получает право отчуждать в свою пользу изобретение в случае, если оно будет признано полезным Комитетом по делам изобретений.

Положением от 12.09.1924 «О патентах на изобретения» был введён патент как единственный документ, подтверждающий авторство изобретения и исключи-

тельное право патентообладателя на использование изобретения. При этом селекционные достижения патентом не охранялись.

Важность развития сельского хозяйства была отмечена в Постановлении 4-го Съезда Советов СССР от 26.04.1927, которым предполагалось принятие ряда мероприятий по развитию продуктивного животноводства, увеличению урожайности специальных и технических культур, увеличению доходности и товарности указанных отраслей сельского хозяйства.

Постановлением Народного комиссариата земледелия СССР и Всесоюзного центра сельскохозяйственных коллективов СССР «О построении колхозно-семеноводческой системы» провозглашался курс на использование в сельском хозяйстве высококачественных сортовых семян зерновых культур, корнеплодов, технических и специальных культур, трав [6].

Положением об изобретениях и технических усовершенствованиях, утверждённым Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 09.04.1931 вновь было введено авторское свидетельство, которое пользовалось приоритетом вплоть до распада Советского Союза. Разделение между этими двумя понятиями было следующее: авторское свидетельство удостоверяло авторство, а патент предоставлял исключительное право на изобретение. При этом патент выдавался лишь на достижения, полученные в ходе частной деятельности, без помощи государства либо общественной организации. Хотя черты НЭПа и были в определённой степени схожи с рыночной экономикой, однако методы хозяйствования к концу 1920-х годов внедрялись уже отнюдь не экономические, поэтому институт патентов не получил достаточного распространения, в связи с чем авторское свидетельство стало единственным механизмом защиты прав автора, а льготы, предоставляемые автору (материальное вознаграждение и вознаграждение в случае, если его изобретение будет использовано частным предприятием) — единственным стимулом для изобретательской, в частности, селекционной, деятельности [10].

Следующим важным нормативным правовым актом в сфере селекционных достижений стало постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 2.06.1937 «О мерах по улучшению семян зерновых культур», которым предусматривалось развитие селекционной деятельности путём создания развитой системы организаций, осуществляющих селекционную деятельность, включавшей в себя Государственный сортовой фонд семян зерновых, масличных и кормовых культур, Государственный страховой фонд, селекционные станции, семенные хозяйства, семенные участки колхозов и совхозов. Постановлением предусматривалась защита прав авторов новых сортов растений, материальное вознаграждение в случае, если сорт внедрён в производство, была заложена действующая в настоящее время система государственных сортовых испытаний и районирования сортов, предусмотрена регистрация и публикация сведений о новых

сортах. Дальнейшее развитие положения данного постановления получили в инструкции «О порядке выдачи селекционерам и селекционным станциям авторских свидетельств, свидетельств об улучшении сортов и о выдаче премии». В соответствии с указанными нормативными документами охранялись лишь достижения в селекции зерновых культур. Субъектом авторских прав наряду с физическими лицами, по сути, являлись и селекционные станции. Возможность получения патента на выведенный сорт на данном этапе отсутствовала. Защищалось только право авторства и право автора на вознаграждение.

Порядок сортоиспытания был регламентирован положением от 17.07.1937 «О государственной комиссии по сортоиспытанию зерновых культур».

Первое в СССР авторское свидетельство на селекционное достижение было выдано в декабре 1939 г. академику Лисицыну П. И. на созданный им на Шатиловской государственной селекционной станции сорт озимой ржи.

Круг охраняемых селекционных достижений расширялся с вступлением в силу Постановления Совета Народных Комиссаров от 05.03.1941 № 448 «Об утверждении положения об изобретениях и технических усовершенствованиях и о порядке финансирования затрат по изобретательству, техническим усовершенствованиям и рационализаторским предложениям», предусматривавшего выдачу авторских свидетельств на новые сорта семян в порядке, предусмотренном Советом народных комиссаров СССР от 29.06.1937 «О мерах по улучшению семян зерновых культур».

Дальнейшее развитие законодательства в данной сфере представлено постановлением Совета министров СССР от 26.04.1955 № 808 «О передаче решения некоторых текущих вопросов Министерству сельского хозяйства СССР», в соответствии с которым в ведение Минсельхоза СССР перешла выдача авторских свидетельств на новые породы животных и птицы, дубового и тутового шелкопряда, сорта сельскохозяйственных культур.

Однако растущее международное сотрудничество Советского Союза с зарубежными государствами привело к необходимости учитывать сложившуюся за рубежом практику охраны селекционных достижений.

Постановлением Совета министров СССР от 24.04.1959 № 435 было утверждено положение «Об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», которым селекционные достижения были приравнены по правовой охране к изобретениям, а авторское свидетельство за рубежом приравнивалось к патенту. Все сделки, направленные на реализацию изобретений, совершённых в Советском Союзе, за рубежом, должны были получить одобрение Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Выдача авторских свидетельств на селекционные достижения по-прежнему возлагалась на Министерство сельского хозяйства СССР после их регистрации в Патентном ведомстве СССР. Жалобы на выдачу авторских свидетельств, нарушения порядка их использования и выплаты вознаграждения также рассматривались в Министерстве сель-

ского хозяйства СССР. Порядок выдачи данных авторских свидетельств был утверждён Министерством сельского хозяйства СССР 28.09.1961.

2.12.1961 г. в Париже была принята Международная конвенция по охране новых сортов растений, а также создан Международный союз по охране новых сортов растений. Впоследствии с учётом меняющихся последствий данная конвенция неоднократно пересматривалась: 10 ноября 1972 г., 23 октября 1978 г., 19 марта 1991 г.

Данная конвенция содержит обязательные для стран-участниц нормы правовой охраны новых сортов растений, определяет перечень охраняемых объектов и субъекты охраны, способы и сроки правовой охраны, право установления национального режима для граждан одной страны и право приоритета норм конвенции над национальными нормами для стран-участниц и послужила стимулом для совершенствования национального законодательства ряда стран. Так, в период с 1962 по 1971 гг. новые законы в сфере регулирования селекционных достижений были приняты в Великобритании, Дании, Нидерландах, Франции, ФГР, Швеции. Данные законы несмотря на то, что ориентировались, как и сама международная конвенция, в первую очередь на защиту интересов не селекционеров, а государства и сельхозтоваропроизводителей, содержали нормы, предусматривающие выдачу патентов на селекционные достижения, в связи с чем уже к концу 1970-х гг. в Европе был сформирован конкурентный рынок, направленный на коммерциализацию прав на селекционные достижения.

Отечественное право вынуждено было учитывать требования данной конвенции, так как Советский Союз готовился вступить в Международный союз по охране новых сортов растений.

Задача дальнейшего развития законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе селекционных достижений) была поставлена в Положении от 14.06.1962 «Об улучшении охраны государственных интересов в области изобретательства в СССР».

В 1960-х гг. бурно развивается правовая охрана новых пород животных: 10.05.1963 Министерство сельского хозяйства утвердило два положения в данной сфере — «Об апробации новых пород, породных групп, внутривидовых и заводских типов в животноводстве» и «О государственных племенных книгах крупного рогатого скота, свиней, овец, коз и лошадей».

Однако, принятые в 1961 году основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, как и принятый тремя годами позже Гражданский кодекс РСФСР не содержал правовых норм, направленных на охрану селекционных достижений.

В соответствии с п. 22 положения от 21.08.1973 № 584 «Об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», авторское свидетельство выдавалось на породы животных и птиц, их высокопродуктивные заводские и внутривидовые типы и заводские линии, новые типы пушных зверей и новые породы тутового шелкопряда, сорта и гибриды сельскохозяй-

ственных и других культивируемых растений. Выдача авторского свидетельства должна была предшествовать регистрации в Государственном комитете СССР по делам изобретений и открытий. Определение новизны и полезности селекционного достижения, выдачу авторских свидетельств, выплату соответствующих вознаграждений, рассмотрение возражений и жалоб по вопросам, связанным с их выдачей, осуществляло Министерство сельского хозяйства СССР. Также к полномочиям Минсельхоза СССР относилось решение вопросов использования достижений.

Следует обратить внимание, что современное российское законодательство, в отличие от законодательства ряда стран, признаёт породы животных объектами правовой охраны. Корни этого видятся именно в рассматриваемом положении 1973 г.

При этом данным Положением не регулировались гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с их созданием и использованием.

По мнению профессора В. Ю. Лебедева приравнение в рассматриваемый период правового режима охраны селекционных достижений к правовому режиму охраны изобретений было неэффективно, так как для селекционных достижений был сохранён особый порядок апробации, испытания и регистрации, то есть данное приравнение не носило характера полной аналогии. Кроме того, у автора селекционного достижения отсутствовала возможность получить патент.

До 1980-х гг. в мировой практике патенты выдавались в основном на технические изобретения и открытия. Лишь в 1980 г. Верховный Суд США решил, что патент может выдаваться на любой биологический вид.

Круг селекционных достижений, подпадающих под охрану, расширился со вступлением в силу постановления коллегии Госкомизобретений от 20.12.1984 № 12 (25) «О признании изобретениями объектов генной инженерии», которое стало ответом на достижения научно-технического прогресса и появление новых методов создания сортов растений и пород животных.

Российская Федерация является участником Соглашения о взаимной правовой охране сортов культурных растений, заключённого 21.01.1988 в г. Москве между СССР, Болгарией, Венгрией, ГДР, Румынией, Чехословакией, Югославией. Согласно данному соглашению обладатели прав на селекционные достижения, зарегистрированные в других странах, при ввозе нового сорта на территорию РФ при условии предъявления национальных документов, подтверждающих их права на данный сорт, проходят только процедуру допуска нового сорта к использованию и по результатам данной процедуры регистрируют новый сорт в Государственном реестре селекционных достижений, допущенных к использованию [11].

К концу 1989 г. был разработан проект закона СССР «Об охране прав селекционеров», ориентированный на самостоятельность селекционных достижений в качестве объекта правового регулирования. Данный проект

закона предусматривал право селекционеров на получение патентов, содержал определение понятий «селекционное достижение» и «охраняемое селекционное достижение». Данный проект практически без изменений лёг в основу закона РФ от 06.08.1993 № 5605-1 «О селекционных достижениях».

Согласно данному закону впервые в отечественном законодательстве право на селекционное достижение стало защищаться патентом, срок действия которого составлял 30 лет, а по сортам винограда, древесным декоративным, плодовым и лесным породам — 35 лет, что на 10 лет превышает срок, установленный международной конвенцией. Кроме того, согласно рассматриваемому закону, субъектом права на селекционное достижение являлось только физическое лицо, создавшее данное селекционное достижение. Таким образом, селекционные станции перестали быть субъектами права на селекционное достижение за исключением права на служебное селекционное достижение. Согласно нормам данного закона, автор селекционного достижения не мог одновременно иметь на него патент и авторское свидетельство, так как согласно ст. 22 Закона, авторское свидетельство удостоверяло право авторства и право на получение вознаграждения от патентообладателя за использование селекционного достижения. Таким образом, смысл указанного выше ограничения заключался в том, чтобы исключить возможность одного и того же лица дважды (как автор и как патентообладатель) получить вознаграждение за одно и то же селекционное достижение.

Органом, уполномоченным на выдачу патентов, согласно Закону о селекционных достижениях 1993 г., являлась Государственная комиссия РФ по испытанию и охране селекционных достижений [5].

Данный закон получил положительное заключение Международного союза по охране новых сортов растений. За почти 15 лет своего существования в данный закон не было внесено ни одного изменения, а в 2006 г. он практически без изменений вошёл в главу 73 ГК РФ.

Правовая норма о защите селекционных достижений на законодательном уровне впервые появилась в основах гражданского законодательства СССР 1991 г. в ст. 152 раздела V «Право на изобретение и другие результаты творчества, используемые в производстве», согласно которой «исключительное право на селекционные достижения (новые сорта растений и породы животных) охраняется на условиях и в порядке, устанавливаемых законодательными актами Союза СССР [3]. Данная статья интересна тем, что впервые законодатель даёт понятие селекционного достижения, понимая под ним новые сорта растений и породы животных, а также определяет особое значение селекционных достижений и их нетождественность изобретениям.

Окончательно право на селекционные достижения отделилось от изобретательского права с принятием 06.08.1993 Закона Российской Федерации № 5605-1 «О селекционных достижениях».

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, заключённое в Марракеше 15 апреля 1994 г., регулировало интеллектуальные права на сорта растений при совершении международных сделок. Данным соглашением система интеллектуальных прав на селекционные достижения была ещё больше приближена к системе интеллектуальных прав на технические изобретения и открытия. В частности, существенно расширились и приблизились по своему содержанию к правам владельцев патентов не технические изобретения права владельцев прав на новые сорта. В случае, если новый сорт был выведен от уже защищённого патентом сорта, он не мог считаться собственным. Минимальный срок защиты интеллектуального права на селекционное достижение был увеличен до 20–25 лет.

28.04.1998 Российская Федерация присоединилась к Международной конвенции по охране новых сортов растений (Постановление Правительства РФ от 18.12.1997 № 1577), став 36-м её членом.

Таким образом, правовое регулирование права собственности на селекционные достижения долгое время совпадало с правовым регулированием изобретений и лишь во 2-й половине XX века выделилось в самостоятельный правовой институт. В советское время правовое регулирование общественных отношений в сфере селекционных достижений регулировалось подзаконными нормативными правовыми актами. На законодательном уровне впервые термин «селекционные достижения» появился в основах гражданского законодательства СССР 1991 г.

Литература:

1. Вавилов Н. И. Проблема происхождения культурных растений в современном понимании // Природа. — 1978. — № 2. С. 54–63.
2. Вавилов Н. И. Избранные произведения в двух томах. Том 1. — Ленинград: Наука, 1967. — 434 с.
3. Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
4. Гуляев В. И. Земледелие древних майя // Природа — 1982. — № 9. С. 88–97.
5. Закон РФ от 06.08.1993 № 5605–1 «О селекционных достижениях». Ведомости Съезда Народных Депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 36. Ст. 1436.
6. Колхозно-кооперативное законодательство. Сборник директивных, законодательных и ведомственных постановлений / Под ред. Ф. Белолуцкого. М., 1931. С. 64–66.
7. Манифест от 17.07.1812 «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах».
8. Пиленко А. А. Право изобретателя. 3-е изд. М.: Статут, 2013. С. 114.
9. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. Серия «Классика российской цивилистики». М., 2002. С. 721.
10. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Проспект, 2004.
11. Синельникова В. Н. Создание и использование новых сортов растений как основа безопасности отечественных продуктов питания // Хозяйство и право. 2013. N 8. С. 16, 17.
12. Синельникова В. Н., Конон В. С. Право на сорт: от авторского свидетельства к индустриальному патенту // Бухучет в сельском хозяйстве. 2008. № 4.
13. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. С. 28.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Объективная сторона преступлений в сфере авторских и смежных прав

Левгеева Татьяна Борисовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассмотрены нюансы определения объективной стороны преступления в сфере авторских и смежных прав. Сделана попытка провести анализ ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность в данной сфере.

Ключевые слова: авторские и смежные права, уголовная ответственность, уголовно-правовые нормы, объективная сторона, крупный ущерб, автор, произведение, объект, плагиат, право на имя, уголовно-правовая охрана.

Элементами любого состава преступления являются объект, субъект, субъективная сторона и объективная сторона. Как раз о последнем элементе состава преступлений в сфере авторских и смежных прав пойдет речь в данной статье.

При изучении ст. 146 Уголовного кодекса РФ, можно выделить несколько конструкций составов.

Во-первых, разбирая ч. 1 рассматриваемой статьи УК РФ, нужно отметить ее материальный характер. Значит, чтобы квалифицировать противоправное деяние по ч. 1 ст. 146 УК РФ, необходим крупный ущерб причиненный потерпевшему (в данном случае, автору, создателю, писателю, композитору и т. д.) и самое важное состоит в том, что размер ущерба определяется исходя из ориентировочных суждений того, кому был причинен вред.

Во-вторых, определяется и дается оценка в судебном разбирательстве. Необходимо наличие причинно-следственной связи между общественно опасным деянием и наступившим последствием в виде крупного ущерба, иначе не следует говорить об уголовной ответственности [3].

В-третьих, рассматривая ч. 2 и 3 ст. 146 УК РФ, конструкции составов преступлений в сфере авторских и смежных прав носят формальный характер. Получается, для инкриминации преступлений, предусмотренных данными частями ст. 146 УК РФ, достаточно совершить одно из действий, перечисленных в них.

Генеральная прокуратура РФ в своем информационном письме № 36–15–01 впервые предложила толкование «плагиата», определяя его как преступление, включающее две составляющие:

- 1) лицо, не являющееся автором, заявляет себя в качестве автора;
- 2) осуществление лицом печати, производства, издания результата интеллектуального труда (целиком или частично), в которых оно указано в ка-

честве автора, хотя на самом деле у него не имеются авторские и смежные права.

Кстати, такое толкование «плагиата» нашло поддержку как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной деятельности.

Помимо этого, укоренилась конкретная позиция в отношении псевдонима. Иными словами, когда человек указывает псевдоним на чужой результат творчества, а не свои фамилию, имя, отчество, то данное действие равнозначно тому, если бы настоящий автор произведения указал свой псевдоним [2]. Некоторые исследователи, например, А. Н. Гальченко отмечают, что к плагиату следует относить случаи публикации трудов без указания авторов, то есть анонимно.

В противовес вышесказанному хочется отметить, что согласно ст. 1265 Гражданского кодекса РФ и ст. 146 Уголовного кодекса РФ, приводят к следующему выводу: статья, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение авторских и смежных прав, расположена в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в ГК РФ имеется ввиду право на имя, которое является неотъемлемым от личности, поэтому сторонники позиции не рассматривают относимость анонимности к плагиату, ведь у автора ничего не отбирается.

Что касается определений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, то они схожи в своих позициях и точка зрения сводится к тому, что уголовно-правовой защите подлежат все результаты интеллектуальной деятельности, выраженные именно в объективной форме, невзирая на их содержание.

Интересным моментом является следующее: имеет ли значение и признается ли плагиатом, когда лицо указывает не себя в качестве автора, а других людей, которые не имеют авторских и смежных прав на определенное

произведение, так как получается, что человек совершает деяние не в пользу себя, а в интересах иных лиц.

Ответы на поставленные вопросы можно найти, если досконально исследовать статью ст. 146 УК РФ, а именно часть 1, ведь исходя из логики законодателя: любое лицо, отмечающее другое (им может быть кто угодно, кроме реального автора), подпадает под действие диспозиции.

Преступления в сфере авторских и смежных прав, будучи материальными составами, то необходимо наступление общественно опасных последствий, да не просто таковых, а обязательно причинение крупного или особо крупного ущерба и только после этого преступление будет считаться оконченным.

Следует остановиться на вопросе, который вызывает достаточно дискуссий. Речь идет об ущербе, в какой форме он выражается? С одной стороны, вред должен выражаться в материальном виде, его можно оценить в практическом плане, как например, сломанные стол, машина, часы и т. д. Чего невозможно сделать с произведениями, конечно, есть исключения, если речь идет о знаменитых картинах, стоимость которых достигает несколько миллионов долларов. С другой стороны, автор сам, опираясь на свое субъективное мнение, оценивает масштабы причиненного ему ущерба и как показывает практика, зача-

стую потерпевшие рассчитывают сумму исходя из упущенной выгоды.

Острый и ключевой момент в ходе всего судебного разбирательства во избежание коллизии между объективным и субъективным вменением. Согласно ст. 5 УК РФ объективное вменение не допускается [1]. Лицо, которому причинен вред, определяет сумму, в дальнейшем уже будет оценен и уточнен соответствующий размер. Ведь многие авторы очень дорожат своими трудами и приписывают им баснословные суммы. Также хочется добавить про субъективность, все мы разные, относимся ко всему по-разному, где-то преувеличиваем или наоборот преуменьшаем, хотя сами этого не понимаем, но в любом случае, если причинен крупный ущерб по ст. 146 УК РФ, первый рассмотрит подобное как реальное причинение крупного, возможно даже особо крупного ущерба, другому покажется, что никакого вреда тут и нет, из-за того, что он не придает ценности результату своей деятельности, либо действительно отсутствует вред.

Анализируя все вышесказанное, приходит вывод о том, что объективная сторона во многом зависит от самого потерпевшего автора, правообладателя авторских и смежных прав, осознание им того, что произошло и как он воспринимает случившееся.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. Ст. 2954;
2. Молчанов Д. В. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: дисс...к. ю. н. М., 2008;
3. Филиппов П. А. Уголовно-правовая защита прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М., 2003.

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

К вопросу о классификационных признаках боевых припасов в криминалистике

Матюшенков Александр Нинельевич, преподаватель
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются основные классификационные признаки боеприпасов в криминалистике, а также иных отраслях знаний.

Ключевые слова: боевые припасы, их классификационные признаки, специальные боеприпасы и артиллерийские снаряды.

В отечественной криминалистике понятие «боеприпасы» включает в себя довольно разнообразный круг объектов в зависимости от сферы человеческой деятельности и круга решаемых задач и имеет несколько классификаций. В зависимости от формы деятельности (военно-техническая, торгово-промышленная, спортивно-охотничья, криминалистическая, уголовно-правовая, иная) будет меняться и само определение боеприпасов, а также и его смысловое значение [1].

До настоящего времени чёткого криминалистического определения боеприпасов так и не сложилось, что сказывается на качестве расследования уголовных дел, связанных с применением взрывчатых веществ, взрывных устройств, патронов и иных взрывоопасных предметов. С одной стороны, это обусловлено сложностью классификационного, методологического, экспертного и уголовно-правового характера рассматриваемой проблемы, а с другой — обилием уже имеющихся, вновь создаваемых (проектируемых) боеприпасов, а также самодельных объектов судебной баллистики и современной взрывотехники. Для создания последней были использованы фундаментальные знания как классических (физики, химии, механики, математического анализа и др.), так и прикладных наук (военное дело, медицина, пиротехника и т. д.) [2, с. 388].

В Большой Советской Энциклопедии (а позже и в энциклопедическом словаре) в качестве боевых припасов указываются предметы вооружения, предназначенные для поражения живой силы противника, уничтожения его боевой техники, разрушения укреплений, сооружений и выполнения иных задач [3, с. 462; 4, с. 151]. Также сразу определены и признаки данных объектов, одним из которых является «использование энергии, выделяемой взрывчатыми веществами, благодаря которой и происходит поражение (разрушение, уничтожение) различных целей».

В прикладной военно-технической области знаний под боеприпасами уже понимается составная часть во-

оружения, предназначенная для поражения целей и выполнению задач, способствующих их поражению или препятствующих действиям противника.

Они классифицируются по следующим признакам [5, с. 455]:

- по назначению (основные, специальные и вспомогательные);
- принадлежности к роду воинских формирований (авиационные, инженерные, морские и межвидовые);
- характеру управления на траектории доставки до цели (управляемые и неуправляемые).

Так, специальные и вспомогательные объекты, не служащие для поражения целей, предназначены для обеспечения боевых действий подразделений. Это и создание различного рода помех противнику, освещения местности, доставки агитационной литературы и т. д. (для специальных), а также испытательных и учебно-боевых стрельб, бомбометания, пусков и минирования местности, изучение устройства боеприпасов и правил обращения с ними (для вспомогательных).

Пожалуй, к специальным боеприпасам следует отнести и большую группу имитационных средств. Они имитируют действие различных боеприпасов и включают:

- шашки имитации разрыва артиллерийских снарядов ШИРАС;
- имитационные патроны, применяемые для создания эффекта оружейной стрельбы;
- взрывпакеты, имитирующие разрывы ручных гранат;
- электровзрывпакеты, предназначенные для имитации воздушных разрывов артиллерийских снарядов.

Для снаряжения некоторых имитационных средств могут использоваться бризантные вещества. Имитационные средства нередко служат основой для изготовления самодельных взрывных устройств и в силу большой до-

ступности для населения достаточно часто используются в преступных целях.

В зависимости от характера снаряжения основные боеприпасы подразделяются:

- на боеприпасы массового поражения;
- обычные боеприпасы.

Поражающее действие боеприпасов массового поражения основано на использовании:

- в ядерных боеприпасах — внутриядерной энергии, выделяющейся при ядерном взрыве;
- в химических боеприпасах — токсических свойств отравляющих веществ;
- в биологических боеприпасах — болезнетворных свойств биологических средств или их переносчиков.

Но если первые ввиду своих конструктивных особенностей и факторов повышенной опасности (ядерные и химические боеприпасы, а также объекты биологического оружия) практически не встречаются в следственной (экспертной) практике, то вторые очень часто становятся объектами криминалистического исследования по различным уголовным делам. Действие обычных боеприпасов основано на использовании энергии, выделяемой бризантными взрывчатыми веществами разрывного заряда, зажигательным составом или аэрозольной смесью при химическом взрыве (фугасное и осколочное действие), а также кинетической энергии снаряда.

Фугасное действие заключается в поражении (разрушении) цели продуктами взрыва разрывного заряда и ударной волной, осколочное действие заключается в поражении цели ударным действием осколков или готовых поражающих элементов, а также их сочетанием. Кинетическая составляющая поражающего эффекта использования боеприпаса может выражаться в ударном (механическом) воздействии на преграду (это особенно характерно для бронебойных и бетонобойных средств), а также в кумулятивном и зажигательном действии.

Авиационные боеприпасы применяются путем сбрасывания, пусков или стрельбы с летательных аппаратов и включают в себя:

- патроны авиационного артиллерийского вооружения;
- авиационные бомбы;
- разовые бомбовые кассеты;
- контейнеры;
- зажигательные баки;
- глубинные авиационные бомбы и мины (в том числе и с ядерным зарядом);
- боевые части авиационных торпед;
- управляемые и неуправляемые авиационные ракеты (в том числе и с ядерным зарядом).

Сравнительно новым видом обычных бомбардировочных средств поражения относятся объемно-детонирующие авиабомбы, действие которых основано на использование объемного взрыва, где главным поражающим фактором таких боеприпасов будет избыточное давление во фронте ударной волны, которое в центре аэрозоль-

ного (топливно-воздушного) облака может достигать около 3 тыс. *кПа* (30 *кгс/см²*). Причем, объемно-детонирующая смесь формируется по профилю рельефа местности, а от поражающего действия объемного взрыва не защищают ни складки местности, ни полевые оборонительные сооружения открытого типа.

Инженерные боеприпасы подразделяются на инженерные мины, подрывные заряды со средствами взрывания, а также заряды разминирования (для устройства проходов в минных полях). Наибольшее распространение получили инженерные мины. Они используются для сооружения минно-взрывных заграждений (в том числе и с ядерной «начинкой»).

Классификация инженерных мин:

- по назначению (противотанковые, противопехотные, противодесантные, специальные);
- по характеру поражения (осколочные, фугасные, кумулятивные, зажигательные, химические);
- по времени срабатывания (мгновенного и замедленного действия);
- по способу приведения в действие средства взрывания (контактные и неконтактные, управляемые и неуправляемые).

Среди контактных мин можно выделить мины нажимного, натяжного, обрывного, разгрузочного действия, а среди неконтактных — магнитные, сейсмические, акустические и др.

Морские боеприпасы делятся на: выстрелы корабельной и береговой артиллерии; морские мины; глубинные бомбы (в том числе и ядерные); боевые части торпед (в том числе и ядерные); стратегические, противолодочные, противокорабельные и зенитные части ракет; снаряды; иные, в том числе и межконтинентальные баллистические ракеты с ядерными зарядами, базирующиеся на подводных лодках.

К межвидовым боеприпасам относятся артиллерийские боеприпасы, боевые части ракет и боеприпасы к стрелковому оружию, используемые в нескольких видах вооруженных сил государства.

Артиллерийские боеприпасы включают в себя артиллерийские, минометные и гранатометные выстрелы, а также реактивные снаряды наземных реактивных систем залпового огня.

Калибры артиллерийских боеприпасов отличаются большим разнообразием. Это особенно характерно для артиллерийских снарядов (калибры 23 мм, 37 мм, 45 мм, 57 мм, 76 мм, 85 мм, 100 мм, 122 мм, 130 мм, 152 мм, 203 мм) и артиллерийских мин (калибры 50 мм, 82 мм, 120 мм, 160 мм).

Среди артиллерийских снарядов выделяют: осколочные; трассирующие; фугасные; бронебойные; бетонобойные; осколочно-фугасные; осколочно-трассирующие; бронебойно-трассирующие; бронебойно-зажигательно-трассирующие; кумулятивные; зажигательные; иные (осветительные, дымовые, агитационные).

Боевые части ракет наземных ракетных комплексов включают боевые части стратегических, оперативно-так-

тических и тактических ракет (в том числе и с ядерным зарядом), противотанковых управляемых ракет и зенитных управляемых ракет.

И, наконец, в военно-технической отрасли боеприпасами к стрелковому оружию являются патроны, которые в зависимости от вида оружия делятся следующим образом:

- на пистолетные (для пистолетов-пулеметов и пистолетов);
- револьверные (для револьверов);
- автоматные (для автоматов и ручных пулеметов);
- винтовочные (для винтовок, карабинов, единых и станковых пулеметов);
- крупнокалиберные (для крупнокалиберных пулеметов и противотанковых ружей).

Наиболее распространенные калибры патронов (мм): 5,45; 5,56; 7,62 (7,63); 9,0; 12,7; 14,5. По виду действия пули

боеприпасов стрелкового оружия делятся на обыкновенные (для поражения живой силы и небронированной техники) и специальные (бронебойно-зажигательные, зажигательные, трассирующие и др.).

И если в военно-технической отрасли понятие боеприпасов наиболее полно отражает качество их существенных признаков (предназначенности для поражения целей, использование взрывчатых веществ, многокомпонентность, одноразовость и др.), то в иных областях под боеприпасами зачастую называют такие объекты, которые в их криминалистическом понимании таковыми не являются. Например, боеприпасами в торгово-промышленной и спортивно-охотничьей областях называют вместе с патронами еще и элементы для их снаряжения (гильзы, пули, дробь, картечь, пыжи, прокладки, капсюли, пороха и т. д.).

Литература:

1. Об оружии фед. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ, в ред. фед. законов от 31.07.1998 № 156-ФЗ; от 17.12.1998 № 187-ФЗ; от 19.11.1999 № 194-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681; 1998. № 30. Ст. 3613; № 31. Ст. 3834; № 51. Ст. 6269; 1999. № 47. Ст. 5612.
2. О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 5 от 25.06.1996 // Сборник Постановлений Пленума ВС Рос. Федерации. 1961–1996. — М., 1997.
3. Большая Советская Энциклопедия: в 30 томах. — 3-е изд. — Т. 3. — М.: «Советская Энциклопедия», 1970.
4. Советский энциклопедический словарь. — 4-е изд. — М.: «Советская Энциклопедия», 1989.
5. Советская Военная Энциклопедия: в 8 томах. — 2-е изд. — Т. 1. — М.: Воениздат, 1990.

Выявление и раскрытие мошенничеств, совершаемых юридическим лицом

Пушкарская Елена Сергеевна, аспирант;

Севостьянова Светлана Олеговна, аспирант

Воронежский государственный университет

Мошенничество проникло во все сферы общественной жизни, адаптируясь к постоянно изменяющимся условиям рынка, в последнее время приобрело ярко выраженный интеллектуальный характер. Зачастую, мошенники действуют под прикрытием организационно-правовых форм, разрешенных законодательством, используют фиктивные финансовые документы, а совершение фактов мошенничества маскируют под гражданско-правовые сделки, что существенно затрудняет выявление и раскрытие данных преступлений.

Налог на добавленную стоимость ввиду того, что он является косвенным налогом, и порядок его исчисления достаточно запутан, располагает к созданию незаконных налоговых схем.

Порядок уплаты НДС регулируется Налоговым кодексом РФ, в частности главой 21 «Налог на добавленную стоимость». В соответствии со ст. 146 НК РФ основным объектом обложения НДС являются операции по реализации товаров (работ, услуг), т. е. по передаче права

собственности на товары (работы, услуги) или имущественные права независимо от того, возмездная это передача или нет. Чтобы избежать двойного налогообложения, законодатель предусмотрел возможность применения налогового вычета.

Согласно ч. 2 ст. 171 НК РФ вычетам подлежат суммы налога, предъявленные налогоплательщику при приобретении товаров (работ, услуг), а также имущественных прав на территории Российской Федерации либо уплаченные налогоплательщиком при ввозе товаров на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией.

В соответствии со ст. 169 НК РФ документом, служащим основанием для принятия сумм налога к вычету покупателем является счет-фактура, выданная продавцом.

С каждым годом количество выявленных и раскрытых преступлений данной категории снижается. Данное явление связано с рядом проблем при сборе материала про-

верки, а также сложности последующего доказывания вины.

При выявлении и документировании преступлений, в сфере незаконного возмещения НДС, можно выделить общие закономерности в схемах совершения преступления. Во-первых, использование в качестве контрагентов взаимозависимых компаний и фирм-однодневок. Во-вторых, мнимый характер сделки по приобретению товаров (работ, услуг) с оформлением фиктивных документов на приобретение товаров, выполнения услуг, или имитация осуществления движения продукции и денежных средств по оплате сделок. В-третьих, существенное увеличение отпускных цен на каждом этапе перепродажи товаров, выполнения работ, услуг.

Однако из практики, проанализированной по данной категории, необходимо отметить, что должностные лица уполномоченных органов при выполнении работ по выявлению и документированию информации о наличии признаков состава преступления в действиях организации-налогоплательщика, не всегда видят и понимают необходимость разграничения преступного требования возмещения НДС и правомерного поведения руководителя организации, связанного с возмещением НДС.

Согласно ст. 176 НК РФ право на возмещение НДС налогоплательщик получает при наличии двух условий. Первое — налогоплательщик уплатил контрагенту, у которого приобретен товар, или в бюджет возмещаемый НДС. Второе — налогоплательщиком совершена хозяйственная операция, дающая основание для возмещения НДС. Если не выполняется, хотя бы одно из этих условий, требование о возмещении НДС будет незаконным.

С учетом изложенного для выявления преступного умысла необходимо в первую очередь получить информацию о возмещении НДС конкретным налогоплательщиком и ознакомиться в налоговом органе с налоговой декларацией по НДС, по которой заявлен НДС к возмещению из бюджета, а также материалы камеральной проверки. Далее изучить счета-фактуры (ст. 169 НК РФ), книги покупок, товарно-транспортные накладные, акты приема выполненных работ, и иные представленные налогоплательщиком документы, обращая внимание на неточности при их составлении, неполноту содержания, противоречия между указанными в них сведениями. При выявлении факта неуплаты контрагенту или в бюджет суммы НДС, налогоплательщик не понес затрат, которые он предъявляет для компенсации. Как правило, в таком случае руководство организации, предъявляющей незаконное требование о возмещении НДС, фальсифицирует документы о перечислении средств продавцу. При выявлении и доказывании необходимо провести мероприятия, направленные на проверку движения денежных средств по расчетным счетам компаний, а также счетам компании контрагента. Полученная в ходе проведения мероприятий информация ляжет в основу оценки достоверности либо фиктивности представленных документов налогоплательщиком.

При документировании фиктивности движения товара и выполнении работ, завышения цен, проводится исследование документов, в ходе которого необходимо установить, что товар (работа, услуга) вообще не существовал (не выполнялась), либо их фактическое количество или цена не соответствуют заявленным в документах. Например, при совершении так называемой «бестоварной сделки», когда в действительности товары не продаются, а услуги не оказываются, при этом сама сделка существует лишь документарно. В данном случае, необходимо провести ряд оперативно розыскных и следственных мероприятий, в ходе которых подлежит установлению факт наличия конкретного товара, указанного в расчетных документах. Комплекс мероприятий включает в себя опрос работников организации, которая выставила требование о возмещении НДС, контрагента, а также в случае наличия и организации, осуществляющей услуги по перевозке товара.

Как следует из практики по данной категории дел, правоохранительные органы обращают особое внимание, если контрагентом добросовестной организации, предъявившей требование о возмещении НДС, является фирма-однодневка. Подобные фирмы не осуществляют финансово-хозяйственную деятельность, не уплачивают в бюджет налоги, в том числе и НДС. И в такой ситуации особенно сложно на первоначальных этапах разграничить добросовестные действия и преступный умысел организации-налогоплательщика при подаче документов на возмещение НДС. Для документирования фактов фиктивного существования юридических лиц, использования в качестве контрагентов фирм-однодневок и взаимозависимых компаний необходимо получить: данные о государственной регистрации юридического лица, его реорганизации, ликвидации, данные о постановке на учет в налоговом органе и сведений о представлении бухгалтерской и налоговой отчетности в налоговый орган, данные об учредителях (участниках) и должностных лицах юридического лица, а также объяснений (показаний) по поводу реальности существования организаций и осуществления ими хозяйственной деятельности.

Однако использование фирм-однодневок — недостаточное основание для квалификации деяния как мошенничества. В ходе проведения мероприятий по конкретному налогоплательщику необходимо установить, был ли фактически поставлен товар (выполнена работа, оказана услуга), в каком количестве и на какую сумму, а также кем именно и в чей адрес реально произведена поставка, какими именно документами это подтверждается. Имело ли место использование организации ее руководителями с целью получения возмещения сумм НДС при отсутствии реального перечисления сумм НДС партнерами или уплате в бюджет. Например, когда во главе и организации-покупателя и организации-поставщика, которая не перечислила в бюджет НДС, стоит одно и то же лицо либо имеется сговор между руководством двух указанных организаций.

В данной ситуации одну из определяющих ролей при уголовно-правовой оценке содеянного играет тот факт, что на момент совершения сделки по приобретению товара (заказу услуги, работы) руководство добросовестной организации, предъявившей требование о возмещении НДС, может не осознавать того, что она используется контрагентами для достижения преступных целей, например для уклонения от уплаты налогов. При указанных обстоятельствах, попытка получения возмещения НДС будет содержать состав преступления только при наличии фиктивных документов о совершенных сделках по приобретению товаров и его реализации, либо, если будет установлен факт использования организации, предъявившей требование о возмещении НДС, для перечисления налога в бюджет (например, имеется договор между ее руководителями и теми, и теми, кто не перечислил НДС в бюджет, либо когда реализацию товара и неуплату налогов осуществляют одни и те же лица). При проведении проверочных мероприятий в первую очередь выявляется необходимость разграничить преступное требование о возмещении НДС и правомерное поведение руководителя организации-налогоплательщика при возмещении НДС, который не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента, проявление должной неосмотрительности образует неосторожную форму вины, что в силу криминалистической характеристики мошенничества, исключает ответственность по ст. 159 УК РФ, поскольку любое хищение совершается исключительно с прямым умыслом.

Анализ практики позволяет утверждать, что большинство фирм-однодневок, используемых для реализации преступного замысла, подконтрольны третьим лицам, оказывающим услуги по незаконному обналичиванию денежных средств, и лишь в редких случаях они создаются руководством налогоплательщика-мошенника. При использовании в расчетах зависимых от налогоплательщиков формально легитимных структур относительно легче решается вопрос с доказательствами о согласованности преступных действий.

В настоящее время для выявления и раскрытия преступлений данной категории требуется применение специальных знаний. Чтобы доказать факт преступления, необходимо использование возможностей судебной экспертизы, а именно привлечение эксперта или специалиста. Для этого назначаются экспертизы и исследования, наиболее востребованными из которых являются:

1) Почерковедческая экспертиза — при проведении данной экспертизы пытаются выяснить, действительно ли документы подписаны лицом, которое в них указано, а также установить исполнителя подписи или рукописной записи, выполненных с подражанием.

2) Техничко-криминалистическая экспертиза документов — необходима для установления способа изготовления документов, печатей, штампов, а также выявления определенных фактов корректировки и установления первоначального содержания.

3) Судебно-бухгалтерская экспертиза — проводится для определения достоверности данных бухгалтерского учета и отчетности организации по результатам финансово-хозяйственной деятельности.

4) Компьютерно-техническая экспертиза — для исследования компьютерных устройств, программных продуктов и различных носителей информации.

При этом наиболее востребованными являются технико-криминалистические экспертизы документов и почерковедческие экспертизы, выполняемые как в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России, так и в экспертных учреждениях Министерства Юстиции России [1, С. 184].

Производство почерковедческих экспертиз по данным преступлениям имеет свои особенности, и это связано с тем, что такие экспертизы являются многообъектными. Проводя оперативные мероприятия, сотрудники полиции изымают большой объем документации, при этом им необходимо помнить, что документы должны быть подлинными, а не является копиями. В противном случае качество проведенного исследования снижается. Так же для производства экспертиз у каждого подозреваемых, как правило, это не один и не два человека, отбирается большой объем образцов для сравнительного исследования. В связи с этим эксперту почерковеду требуется подготовка перед проведением экспертизы, внимательный отбор образцов и документов, а также их тщательное изучение.

Необходимо отметить, что в настоящее время усложнились и объекты технико-криминалистической экспертизы документов. Преступники очень часто используют компьютерные технологии для изготовления поддельных документов, при этом их качество достаточно высоко, что порой вызывает сомнения даже у опытных специалистов. Встречаются и простые способы, которые не составляют большого труда распознать подделку, к таким относится копирование подлинных документов путем сканирования или фотографирования. Изображение вводят в компьютер с использованием сканера, если есть необходимость, редактируют, а затем распечатывают.

Кроме самого документа эксперты исследуют оттиски печатей и штампов, которые на него нанесены. Очень часто организации для подделки печати изготавливают каждую печать с нуля, похожим способом является и использование сменных клише по каждой организации. К таким вариантам прибегают при осуществлении деятельности с помощью фирм однодневок. Для проведения технико-криминалистического исследования оттисков печатей и штампов, также отбираются экспериментальные образцы.

В научной литературе существуют различные мнения, каким должно быть количество экспериментальных оттисков печатей и штампов, необходимое для исследования.

Е. Р. Россинская предлагает для «идентификации печатей и штампов на экспертизу направлять 5–8 экспериментальных оттисков, которые должны отличаться по силе и направлению нажима, степени окрашивания,

должны быть изготовлены на мягкой и твердой подложках. Обнаруженные у подозреваемых (обвиняемых) печати и штампы также должны направляться на экспертизу» [2, С. 183].

В. П. Приказчиков, А. П. Резван, В. Н. Косарев считают, что для производства технико-криминалистической экспертизы необходимо «8–12 экспериментальных образцов: три образца оттиска печатных форм (в том виде, как они обнаружены: не промывать, не очищать) на гладкой мелованной бумаге при различной степени нажима; три образца оттиска печатных форм (без промывки) при различной подложке (твердой, средней, мягкой); три образца после промывки теплой водой каучуковых печатей и штампов при различной степени нажима; три образца (после промывки) при различной подложке» [3, С. 56].

Изучая судебную практику, нельзя не отметить, что большая часть преступлений связанная с хищением бюджетных денежных средств посредством незаконного возмещения НДС юридическим лицом совершается в крупном и особо крупном размере, так например: «13 марта 2018 года, прокуратура Центрального района в Куйбышевском районном суде Санкт-Петербурга поддержала государственное обвинение по уголовному делу в отношении Екатерины Звягинцевой. Она обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество). Суд установил, что Звягинцева, являясь единственным учредителем и генеральным директором одной из коммерческих организаций, вступила в преступный сговор с не менее 14 соучастниками на совершение хищения бюджетных денежных средств посредством незаконного возмещения НДС. Эта организация заключала с подконтрольными соучастникам фирмами различные договора на оказание услуг и поставку товаров. В этих договорах содержа-

лись заведомо ложные сведения о якобы имевших место фактах поставки сырья, содержащего медь и металлических изделий, а также оказанию иных услуг. После чего, соучастники с целью возмещения НДС по ставке 0% отразили в налоговой декларации сведения о возмещении НДС на общую сумму более 115 млн рублей. Эти деньги впоследствии были ими получены с расчетного счета Управления Федерального казначейства по Санкт-Петербургу. Члены группы распорядились ими по собственному усмотрению, причинив ущерб РФ на указанную сумму» [4].

При решении вопроса о виновности лица в совершении мошенничества обязательным признаком является наличие у виновного умысла, направленного на завладение чужим имуществом. Мошенничество под видом возмещения НДС начинается с предъявления в налоговые органы соответствующей декларации. Оконченным преступление признается с момента, когда налогоплательщик получит реальную возможность распорядиться полученными средствами, что соответствует зачислению на его счет соответствующих сумм НДС.

Противоправность, наряду с общественной опасностью в соответствии со ст. 14 УК РФ является необходимым признаком преступлений. Применительно к рассматриваемому составу нормы, определяющие правомерность тех или иных действий, содержатся не только в уголовном законе, но и в нормативных актах иной отраслевой принадлежности, в частности в налоговом кодексе. При подаче документов на возмещение суммы НДС организацией-налогоплательщиком, уполномоченные органы, в первую очередь, должны предполагать добросовестность организации, заявившей требование, а не вести обвинительную деятельность при наличии одного из фактов, который может косвенно свидетельствовать о преступном умысле юридического лица.

Литература:

1. Турутин, Д. С. Проблемные вопросы, связанные с проведением технико-криминалистических экспертиз документов по преступлениям экономической направленности / Д. С. Турутин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 44 (230).
2. Россинская Е. Р. Судебные экспертизы в гражданском, административном, арбитражном и уголовном процессе // Право и закон. — М.: НОРМА, 2005.
3. Приказчиков В. П., Резван А. П., Косарев В. Н. Подготовка и назначение экспертиз. — Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Работа Спортивного арбитражного суда на Олимпийских играх

Добромилов Данила Викторович, студент

Научный руководитель: Иглин Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Олимпийские игры в современном мире — одно из главных событий в мире спорта, которого ждут с нетерпением не только любители спорта. Проведение каждой Олимпийской игры лежит «тяжким бременем» на МОК и страну — организатора, ведь требуется продумать каждый организационный нюанс для успешного проведения спортивного соревнования. Одной из таких проблем является решение возникающих споров между субъектами спортивных правоотношений. Данную проблему решили в 1984 году путем создания в Лозанне Спортивного арбитражного суда. Однако в ситуациях, когда до старта Игр остается совсем мало времени или соревнования уже начались, совершенно нецелесообразно вести разбирательство по месту нахождения суда. Это совершенно бессмысленно с точки зрения транспортно-логистических вопросов, так как соревнования могут проходить за сотни тысяч километров от Лозанны и все уже находятся в месте проведения игр.

С целью решить данный вопрос CAS разработал Арбитражные правила, применимые к комитету ad hoc Спортивного арбитражного суда для разрешения споров во время проведения Олимпийских Игр (Arbitration Rules applicable to the CAS ad hoc division for the Olympic Games — далее CAS AHD). AHD «ведёт деятельность на каждых Летних Олимпийских играх с Атланты 1996 года, на каждых Зимних Олимпийских играх с Нагано 1998 года. Также он был на Играх Содружества в 1998, 2002 и 2006 годах. Помимо Олимпиад, механизмы AHD используются на Чемпионатах Европы по футболу с 2000 года и Чемпионатах Мира с 2006 года» [Beach A. 2012].

Статья 1 Арбитражных правил устанавливает, что «цель настоящих Правил заключается в том, чтобы обеспечить в интересах спортсменов и спорта в целом разрешение арбитражем любых споров, охватываемых правилом 61 Олимпийской хартии, в той мере, в какой они возникают во время Олимпийских игр или в течение десяти дней, предшествующих церемонии открытия Олимпийских игр» [Arbitration Rules applicable to the CAS ad hoc division for the Olympic Games].

Создание CAS AHD в нормативном плане происходит решением CAS. Индивидуально определяется порядок

избрания арбитров в суд, место расположения суда, его юрисдикцию, применимые нормы права, права, обязанности и привилегии судей. В качестве примера приведу выдержку из учредительного акта AHD для Олимпиады 2012 года в Лондоне.

Арбитры выбираются из списка судей CAS международным спортивным арбитражным Советом (надзорный орган CAS).

1. Председатель и сопредседатель назначаются также из числа членов ICAS, которые затем принимают решение о том, какие три арбитра войдут в состав каждой группы. В пресс-релизе CAS говорится, что все члены CAS AHD на Олимпийских играх в Лондоне являются либо юристами, либо профессорами, специализирующимися в области спортивного права и арбитража.

2. Слушания на лондонских Играх проходят в отеле «Гросвенор Хаус» на Парк-Лейн, хотя арбитры имеют VIP-доступ ко всем олимпийским объектам.

3. Где бы ни проводилось данное мероприятие, трибунал действует под эгидой швейцарского законодательства в целях поддержания последовательности и установления четкой судебной практики. Кроме того, споры должны решаться в соответствии с Олимпийской хартией, применимыми правилами, общими принципами права и нормами права [McLaren R. H. 2012. P. 515].

Любое судебное разбирательство должно проходить в строгом соответствии с процессуальными процедурами. Для CAS AHD они четко прописаны в статьях 10–22 Арбитражных правил. В канцелярию суда подается письменное заявление, которое содержит ряд документов на английском и французском языках. Полный список документов перечислен в статье 10 Арбитражных Правил. После подачи документов создается коллегия из трех арбитров (Panel), в зависимости от обстоятельства конкретного дела суд может быть единоличным. Затем стороны в максимально короткие сроки вызываются в зал заседания. Согласно статье 15 Правил, «любое возражение против отсутствия юрисдикции у группы должно быть выдвинуто в начале разбирательства или, самое позднее, в начале слушания» [Arbitration Rules applicable to the CAS ad hoc division for the Olympic Games]. В ходе слушания коллегия арбитров заслушивает стороны и принимает все

надлежащие меры в отношении доказательств. Стороны представляют в судебном заседании все доказательства, которые они намерены представить, и представляют свидетелей, которые должны быть заслушаны немедленно. Если сторона просит предоставить ей возможность представить дополнительные доказательства, которые она по законным причинам не смогла представить в ходе слушания, то группа может разрешить такое представление в той мере, в какой это необходимо для разрешения спора. Арбитры могут сами принять любые надлежащие меры для полного рассмотрения дела. Стоит также отметить, что неявка истца не означает приостановление рассмотрения спора.

В течение 24 часов после подачи заявления арбитры выносят решение на основании Олимпийской хартии, применимых правил, общих принципов права и нормами права, применение которых она считает целесообразным большинством голосов или председателем группы. Решение доносится до сторон незамедлительно и подлежит немедленному исполнению. Оспорить решение АНД можно в течение 30 дней в соответствии с законодательством Швейцарии. Очень часто в этом не имеет практического смысла, так как окончание рассмотрения апелляции совпадает с окончанием самих соревнований.

Роль АНД в защите прав спортсменов «не может быть недооценена» [Lee A. 2017. P. 2], однако судебная практика показывает, что решения суда могут быть очень противоречивыми. Дела, рассмотренные CAS АНД в 2018 году, были связаны с распределением международными федерациями мест для спортсменов для участия в соревнованиях на Олимпийских играх 2018 года, отбором Национальными олимпийскими комитетами спортсменов для участия в Олимпийских играх 2018 года и заявки от спортсменов, тренеров и врачей из России, желающих принять участие в Олимпийских играх 2018 года. Рассматривая работу CAS АНД на Играх в Пхёнчхане в 2018 году трудно не обойти тему допуска российских спортсменов. Судебное разбирательство насчет 32 российских спортсмена проходила в едином судебном заседании в рамках дел CAS OG 18/02 [Решение CAS Ad Hoc Division CAS OG 18/02] и CAS OG 18/03 [Решение CAS Ad Hoc Division CAS OG 18/03].

Заявители подали ряд заявлений, что отказ МОК пригласить заявителей для участия в Олимпийских играх 2018 года «не имел под собой правовых оснований и носил дискриминационный характер, применяемые критерии допуска не имели под собой правовых оснований, за-

явители не совершали никаких нарушений допинговых правил, критерии были неясными, и было неясно, как эти критерии применялись» [Ross M. Lebbon M. 2018]. В ответ МОК заявил, что его решение приостановить деятельность ОКР и установить процедуру допуска некоторых российских спортсменов к участию в Олимпийских играх 2018 года отличается от процедуры, связанной с нарушением допинговых правил. Кроме того, МОК заявил, что процесс приглашения, хотя и носит дискриминационный характер, был оправдан и надлежащим образом осуществлен.

CAS АНД отметил, что он столкнулся с оценкой беспрецедентного ответа на чрезвычайную ситуацию, то есть на спонсируемую государством допинговую схему. Придя к выводу, что процесс МОК был оправдан, CAS АНД охарактеризовал действия МОК не как санкцию, а скорее как спор о приемлемости. Судьи прямо установили, что этот процесс был направлен на защиту прав отдельных российских спортсменов, которые не были вовлечены в допинг, спонсируемый государством, и что процесс, который был принят МОК, был продуманным и взвешенным ответом. Рассматривая вопрос о том, является ли процесс МОК дискриминационным, произвольным или иным образом несправедливым, CAS АНД пришел к выводу, что этот процесс является надежным, независимым, а применяемые критерии рационально связаны с его предметом. Таким образом, АНД пришел к выводу, что соответствующий процесс не был произвольным, несправедливым или необоснованным и отклонил оба заявления. В заключение могу отметить, что и другие заявления от федераций и спортсменов в 2018 году также отклонялись CAS АНД.

В заключение можно констатировать, что CAS АНД — уникальный по своей правовой сути судебный орган международного арбитража. С одной стороны, это специальное учреждение, создающееся под конкретное Олимпийское соревнование для решения судебных споров, напрямую связанных с ним. С другой стороны, работа органа регламентируется уставоподобным документом. CAS АНД призван в кратчайшие сроки рассматривать сложнейшие споры, защищать права спортсменов, чтобы они «никогда не оставляли спортсмена стучать в ворота Олимпийской деревни» [Lenard M. 2009]. На мой взгляд, практика повсеместного создания подобных судебных органов будет способствовать справедливому и объективному рассмотрению возникающих споров. Причем сказанное относится не только к международному арбитражу, но и к внутригосударственному.

Литература:

1. Arbitration Rules applicable to the CAS ad hoc division for the Olympic Games. URL: <https://www.tas-cas.org/en/arbitration/ad-hoc-division.html>
2. Решение CAS Ad Hoc Division CAS OG 18/02 URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Media_Release_AHD9_DecisionOG18_02_03.pdf
3. Решение CAS Ad Hoc Division CAS OG 18/03 URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Award_OG_18-03.pdf

4. Beach A. The CAS ad hoc Division — fast, fair and free? 2012. URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/the-cas-ad-hoc-division-fast-fair-and-free>
5. Lee A. «Never leave an athlete knocking at the gate of the Olympic Village»: the CAS ad hoc Division at the Rio Olympics. Chartered Institute of Arbitrators» Young Members» Group Newsletter. 2017. P. 2
6. Lenard M. The Future of Sports Dispute Resolution, Pepperdine Dispute Resolution Law Journal. Vol. 4 10: 1, 2009
7. McLaren R. H. Introducing the Court of Arbitration for Sport: The Ad Hoc Division at the Olympic Games. Marq. Sports L. Rev. № 12. 2012. P. 515
8. Ross M. Lebbon M. A summary of CAS Ad Hoc & Anti-Doping Division decisions at the 2018 Winter Olympic Games. 2018. URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/a-summary-of-cas-ad-hoc-anti-doping-division-decisions-at-the-2018-winter-olympic-games#references>

Международные уголовно-правовые признаки состава этнического геноцида

Пономаренко Софья Александровна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье описываются действия, квалифицируемые как геноцид, на основе международно-правовых документов; анализируются элементы состава преступления этнического геноцида.

Ключевые слова: международное право, уголовное право, геноцид, этнос, преступления против человечества, состав преступления.

Геноцид без преувеличения является одним из самых тяжких преступлений в современном мире. Ему посвящена Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г., которая в ст. 2 устанавливает круг деяний, квалифицируемых как геноцид.

В соответствии с ней геноцидом являются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

1. убийство членов такой группы;
2. причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
3. предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
4. меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
5. насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую [1].

Аналогичная формулировка содержится в ст. 6 Римского статута Международного уголовного суда [2].

Как и для любого другого преступления, для квалификации действий в качестве геноцида необходимо несколько условий. Лишь при наличии определенных признаков, а именно состава преступления, можно утверждать о совершении этнического геноцида.

Состав преступления включает в себя следующие элементы:

- объект,

- объективная сторона,
- субъект,
- субъективная сторона.

В соответствии с данной структурой будет проанализирован состав преступления этнического геноцида.

Объект преступления представляет собой общественные отношения, которым наносится вред вследствие совершения преступления. Выделяется родовый объект преступления и непосредственный.

Родовым объектом преступления этнического геноцида являются общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества. При этом под «миром» подразумевается такое состояние отношений между государствами, при котором отсутствуют фактические военные действия между ними. Под «безопасностью человечества» понимается состояние защищенности неопределенного круга лиц от любых угроз, посягающих на их жизненно важные интересы, связанные с физическим существованием человечества в целом или какой-либо группы людей [5, с. 15].

Непосредственным объектом этнического геноцида являются общественные отношения, которые обеспечивают существование той или иной этнической группы в безопасных условиях, т. е. в условиях, исключающих перечисленные в ст. 2 Конвенции действия.

Необходимо отметить, что объект преступления включает в себя в качестве факультативного признака предмет. Это конкретные вещи, которым наносится вред преступными деяниями. Однако в случае этнического геноцида, вред наносится группам людей, а не вещам, поэтому данное преступление является беспредметным.

Поскольку определенные группы людей вносят важный моральный, интеллектуальный и духовный

вклад, преступление геноцида главным образом связано с защитой таких групп. Не все группы людей пользуются одинаковой защитой в рамках преступления геноцида; защищаются только постоянные и стабильные группы, определяемые культурными особенностями.

Конвенция о геноциде применяется к потерпевшим национальным, этническим, расовым или религиозным группам и намеренно исключает группы, определяемые их политикой, экономическим и социальным статусом, языком, полом, сексуальной ориентацией, физическими или умственными недостатками и возрастом. Хотя национальные, этнические, расовые и религиозные группы были приняты без особых разногласий, международные суды по-прежнему сталкиваются с проблемой выявления таких групп.

Объективная сторона представляет собой поведение человека (действие или бездействие), которое определяется уголовным законом как преступное. Это поведение влечет общественно опасные последствия, т. е. между поведением и последствиями существует причинно-следственная связь.

Этнический геноцид как общественно опасное деяние предполагает несколько альтернативных форм деяний: убийство членов этнической группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам этнической группы; предумышленное создание для этнической группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; создание мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую [6, с. 36].

Соответственно, общественно опасным последствием таких деяний будет: смерть членов этнической группы; причинение им тяжкого вреда здоровью; лишение родителей возможности воспитывать своих детей в условиях обитания соответствующей этнической группы; насильственное лишение мужчин и женщин способности к деторождению, а также создание условий жизни, ведущих к вымиранию людей такой группы [4, с. 168].

Литература:

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года.
2. Римский статут Международного уголовного суда.
3. Голяндин Н. П., Машекуашева М. Х. Противодействие распространению экстремистской идеологии с учетом отечественного и зарубежного опыта // Пробелы в российском законодательстве. — М., 2017. — № 7.
4. Бадамшин И. Д., Шахмаев М. М. Признаки объективной стороны геноцида в рамках международного и отечественного законодательства. — М., 2016. — № 2 (36).
5. Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за геноцид. — М., 2003.
6. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. В. Н. Кудрявцев. — М.: Городец, 2007.
7. Макаров С. Правила и алгоритмы квалификации преступлений в теории и практике. — М.: Уголовное право. 2013. — № 4.

Субъектом преступления является конкретный человек. Он должен отвечать признаку деликтоспособности: быть дееспособным и достичь определенного возраста. Ст. 4 Конвенции особо подчеркивает, что субъектом геноцида являются как ответственные правители и чиновники, так и частные лица. Эта норма расширяет круг возможных субъектов этнического геноцида, что представляется справедливым и обоснованным.

Однако, закрепляя ответственность физических лиц за совершение геноцида, Конвенция оставляет открытым вопрос, может ли, например, быть привлечено к ответственности государство или организации [3, с. 114]. Данный вопрос, являясь спорным, находится в ведении Международного Суда и должен разрешаться в каждом отдельном случае индивидуально (в соответствии со ст. 9 Конвенции).

В то же время, анализируя Римский статут Международного уголовного суда, можно сделать вывод, что за этнический геноцид может быть привлечено только физическое лицо, достигшее 18 лет. На другие категории лиц юрисдикция Международного уголовного суда не распространяется.

Субъективная сторона преступления заключается в психическом отношении виновного к содеянному [7, с. 33].

Исходя из круга деяний, описанных в ст. 2 Конвенции, становится очевидным, что геноцид может быть совершен только умышленно. При этом умысел является прямым. Целью геноцида, в соответствии с той же статьей, является полное или частичное уничтожение определенной этнической группы. Наличие данной цели является обязательным для квалификации деяния в качестве геноцида.

Несмотря на закрепление признаков состава преступления этнического геноцида на международном уровне, требуется дальнейшая его детализация. Данное преступление должно быть четко очерчено, дабы виновные лица не могли уйти от ответственности ни в одном из случаев геноцида. Четкое понимание признаков этнического геноцида приведет к торжеству законности и справедливости, а также облегчит работу Международного уголовного суда.

Основания и условия международной уголовной ответственности за неоконченный этнический геноцид и освобождения от нее

Пономаренко Софья Александровна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье анализируются признаки неоконченного этнического геноцида: приготовление к этническому геноциду и покушение на этнический геноцид; дается их квалификация с точки зрения международного права, а также рассматриваются вопросы освобождения от наказания за данные деяния.

Ключевые слова: международное право, этнический геноцид, неоконченное преступление, приготовление к этническому геноциду, покушение на этнический геноцид.

Неоконченным преступлением являются действия, направленные на совершение преступления, но по тем или иным причинам не доведенные до конца. В частности, под неоконченным преступлением понимается приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Таким образом, применительно к этническому геноциду, это будет приготовление к этническому геноциду и покушение на этнический геноцид.

Римский статут Международного уголовного суда и Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него не содержат отдельных положений, регламентирующих привлечение к уголовной ответственности за приготовление к геноциду, а как следствие и к этническому геноциду. Поэтому толкование данного вопроса принадлежит к компетенции Международного уголовного суда.

Приготовление к совершению этнического геноцида в большинстве случаев начинается со стороны государственных органов, которые зачастую используют хорошо вооружённых и обученных ополченцев, чтобы обеспечить отрицание ответственности государства. Примером такой ситуации является межэтнический конфликт, когда происходила поддержка суданским правительством и вооружение «джанджавидов» в Дарфуре. Также государство может организовывать тайную полицию для шпионажа, арестов, пыток и убийств людей, подозреваемых во взглядах, оппозиционных государственным [7, с. 3]. Иногда организация людей, которые в будущем осуществят геноцид, является неформальной или децентрализованной (террористические группы джихада).

На следующем этапе приготовления начинается трансляция через СМИ экстремистских взглядов, направленных на возбуждение у населения ненависти по отношению к определенной этнической группе.

На законодательном уровне принимаются нормативно-правовые акты, которые запрещают социальное взаимодействие с членами преследуемой этнической группы. Члены такой группы законодательно ограничиваются в гражданских правах и свободах или вообще лишаются некоторых из них. Их имущество часто экспроприируется. Также членов таких групп вынуждают носить идентифицирующие символы, что повышает градус негатива по отношению к ним у населения. Этнические группы разоружаются, чтобы сделать их неспособными к самообороне. Таким образом доминирующая группа получает полный контроль над притесняемой этнической группой.

Далее происходит составление планов непосредственного геноцида. Лидеры доминирующих групп планируют «окончательное решение» для «вопроса» евреев, армян, тутси или другой этнической группы. Они часто используют эвфемизмы, чтобы скрыть свои намерения, например, называя свои цели «этнической чисткой», «очисткой» или «борьбой с терроризмом».

Одновременно с этим усиливается армия, происходит обучение войск, создание ополчений, для облегчения актов геноцида правительственными и неправительственными группировками происходит массовая закупка оружия

Кроме того, приготовление к осуществлению этнического геноцида может выражаться в создании условий для реализации мер, направленных на предотвращение рождения детей у членов определённой этнической группы. К ним относятся:

- 1) незаконная насильственная кастрация или стерилизация людей, находящихся в репродуктивном возрасте;
- 2) насильственное химиотерапевтическое либо медикаментозное подавление половой функции у представителей демографической группы, имеющее обратимый характер, при этом необратимая утрата половой функции должна расцениваться как вид тяжкого вреда здоровью;
- 3) проведение насильственных прерываний беременности у уже беременных женщин;
- 4) запрещение и недопущение сексуальных контактов между представителями одной этнической группы, например, путём раздельного содержания женщин и мужчин;
- 5) запрет на заключение браков, а также запрет на фактическое сожительство мужчин и женщин, не являвшихся родственниками;
- 6) установление контроля над рождаемостью [5, с. 58].

Приготовлением также будет считаться предварительное умышленное создание жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение этнической группы до того, как эта группа будет в такие условия помещена. Примером такого приготовления будет строительство концентрационных лагерей до момента, когда в них поместят членов этнической группы, которую хотят уничтожить.

Эти условия могут предусматривать отсутствие пищи или воды либо их ограничение до крайнего минимума; не-

хватку надлежащего жилья, одежды, санитарного и медицинского обслуживания; изнурительный, рабский труд [4, с. 172].

Отсутствие на международном уровне норм, предусматривающих уголовную ответственность за приготовление к этническому геноциду, делает абсурдным установление норм, предусматривающих освобождение от ответственности за данные действия.

Статья 3 Конвенции предусматривает уголовную ответственность за покушение на совершение геноцида [1], однако в судебной практике факта привлечения к ответственности за такое преступление еще не существует. По статье 25 Статута лицо подлежит наказанию, если с его стороны имеет место покушение на это преступление.

А именно лицо предпринимало действия, представляющие собой значительный шаг в его совершении, но преступление остаётся не завершённым по независящим от лица обстоятельствам.

Вместе с тем лицо, которое отказывается от попытки совершить преступление или иным образом предотвращает завершение преступления, не подлежит наказанию в соответствии со Статутом за покушение на совершение этого преступления, если данное лицо полностью и добровольно отказалось от преступной цели [3].

Спорным также является вопрос момента окончания геноцида как преступления. К примеру, можно ли считать геноцид окончанным, если было уничтожено меньшее количество членов этнической группы, чем лицо намеревалось.

От решения этой проблемы напрямую зависит то, до каких границ может распространяться покушение на геноцид, будет ли считаться покушением, например, убийство лишь нескольких членов преследуемой этнической группы или же такое убийство уже будет окончанным составом геноцида.

Некоторые учёные считают, что покушение на этнический геноцид может также реализовываться через материальное разрушение всех исторических, религиозных, культурных черт группы, строгий запрет исповедания религии, использования родного языка и традиций, что в своё очередь, конечно, не может напрямую привести к смертям людей, но может уничтожить те духовные связи, с помощью которых люди идентифицировали себя как членов одной этнической группы.

Тогда этническая группа как совокупность людей, объединённых лингвистическими, религиозными, психологическими признаками, фактически перестанет существовать [6, с. 51].

Примером такой ситуации является дело Радислава Крстича, по которому судебная камера Международного трибунала по бывшей Югославии указала, что там, где одновременно с физическим или биологическим уничтожением, происходит нападения на объекты культуры, религии, важные символические объекты, такие нападения можно рассматривать в качестве доказательства намерения физически уничтожить группу.

В данном случае суд принял во внимание разрушение сербскими силами домов боснийских мусульман и главной мечети анклава Сребреница [2].

Таким образом, вопрос о квалификации этнического геноцида в качестве неоконченного является достаточно сложным. Необходимо принятие документов на международном уровне, которые бы позволили более четко определить, имеет ли место неоконченный этнический геноцид в той или иной форме или нет. Также представляется необходимым ввести ответственность за приготовление к этническому геноциду, чтобы иметь возможность пресечь данное преступление на самых ранних стадиях.

В связи с тем, что геноцид, к сожалению, не является редкостью, также необходимо более детально проработать механизм привлечения к ответственности за него.

Литература:

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.
2. Международный трибунал для бывшей Югославии. Решение судебной камеры по делу Радислава Крстича от 2 августа 2001 г.
3. Римский статут Международного уголовного суда.
4. Бадамшин И. Д., Шахмаев М. М. Признаки объективной стороны геноцида в рамках международного и отечественного законодательства. — М., 2016. — № 2 (36).
5. Кибальник А. Г. Геноцид в решениях современных международных трибуналов. М., 2011. — № 1.
6. Лукашук И. И. Международное уголовное право и правовая система Российской Федерации. — Москва, 1997. — № 10.
7. Gregory H. Stanton The Ten Stages of Genocide. — 2016.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 1 (25) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.02.2021. Дата выхода в свет: 10.02.2021.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.